

Вера Панова

СКОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬКО ЗИМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Б а к ч е н и н.

Ш е м е т о в а.

Н ю ш а }

А л е н а } дочери Шеметовой.

Б а б у ш к а.

Д е д у ш к а.

К о л о с ё н о к.

Л и н е в с к и й.

Л ю с я, официантка.

И в а н Г а в р и л о в и ч, продавец книг и газет.

С л а в и к, муж Люси.

Н а ч а л ь н и к а э р о п о р т а.

Т а м а р а, служащая аэропорта.

С т а р у ш к а в о ч к а х.

Н а ч а л ь н и к Л и н е в с к о г о.

А р е ф ь е в.

О ф и ц е р ы.

М у ж ч и н ы и ж е н щ и н ы, летящие в разные места.

1

На сцене здание аэровокзала, показанное в разрезе. Мы видим часть нижнего этажа и часть верхнего - выход на посадку, лестницу, пассажирский зал, газетно-книжный ларек, угол ресторана, закрытые двери служебных кабинетов с табличками и без табличек. На стенах щиты расписаний.

За громадными окнами кружит метель. Сплошное снежное кипение. Здание наполнено людьми. Они снуют от справочного к почтовому отделению, стоят в очереди к кабине телефона-автомата, сидят на скамьях и в креслах, собираются тревожно-озабоченными кучками. Среди пассажиров с отчужденным

спокойствием проходят время от времени летчики и элегантные, подтянутые стюардессы.

Еще не смеркается, но горит электричество. Без него в здании было бы темно.

Р а д и о. Внимание! Вылет самолета ИЛ-18, следующего рейсом шестьдесят два до Ташкента, задерживается. О времени отправки будет объявлено.

С т а р у ш к а в о ч к а х. Поздравляю вас: еще один задерживается.

Л ю с я (сбегает по лестнице, заглядывает в кабинет Тамары). Тамаронька, детонька, дай мне позвонить по твоему телефону!

Т а м а р а. Еще чего.

Л ю с я. Золотко, мне одну минуточку, домой, Славику...

Т а м а р а. Две копейки есть? Иди на автомат.

Л ю с я. Там очередь жуткая.

Звонит телефон на столе.

Т а м а р а. У телефона. Да, без перемен. Не могу сказать, обратитесь в справочное. Не могу сказать. Ну вы же видите, в конце концов, или вы не видите! (Бросает трубку, и сейчас же новый звонок.) У телефона.

Л ю с я. Ой, господи! (Бежит к автомату.)

Р а д и о. Внимание! Вылет самолета ИЛ-18, следующего рейсом тридцать два тридцать шесть по маршруту Свердловск - Пермь - Москва, задерживается. О времени отправки будет объявлено.

С т а р у ш к а в о ч к а х. Поздравляю вас!

Л ю с я. Ой, граждане, разрешите мне без очереди! Будьте так добры! Мне очень нужно! Пожалуйста!

В о ч е р е д и.

- Можно подумать - нам не нужно.

- Если б нам не было нужно, мы бы не стояли, как вы думаете?

Л ю с я. Я здесь работаю, вы можете понять? Я свое рабочее место бросила.

В о ч е р е д и.

- Все, девушка, где-нибудь работают.

- Раз вы здесь работаете, у вас должен быть служебный телефон.

Л ю с я. Ой, господи! (Становится в конце хвоста.)

Л и н е в с к и й (в кабине). Это я. Ну как? Опять звонил? И что он сказал?

Ж е н щ и н а в о ч е р е д и. Знала бы - дома бы лучше сидела, чем тут околачиваться неизвестно сколько.

М у ж ч и н а. Ну, знаете, это тоже рискованно. Вы будете сидеть дома, а он возьмет и улетит.

Ж е н щ и н а. Так вот же не улетает ничего.

Л и н е в с к и й (в трубку). Ты ему скажи, что я слышать ни о чем не желаю! Скажи - никаких материалов! Ну и пусть увольняет, пусть со скандалом, пусть что хочет! Нет, еще не отправляют - ничего не говорят ну да, сижу, а что мне делать?.. Ты ему скажи, слышишь, пусть катится, если бы не он, я бы еще утром был в Одессе!

Нарастающий грохот мотора.

В о ч е р е д и.

- Еще один пришел.

- Приходить-то они приходят.

За метелью пронесся силуэт самолета, идущего на посадку.

Р а д и о. Внимание! Прибыл самолет ТУ-104, следующий рейсом четыреста семьдесят пятым по маршруту Москва - Новосибирск.

В о ч е р е д и.

- Москва - Новосибирск... Москва - Новосибирск...

Проходит н а ч а л ь н и к а э р о п о р т а.

- Начальник аэропорта! Начальник аэропорта!

- Товарищ начальник! Товарищ начальник!

Бросаются к нему.

М у ж ч и н а. Что там слышно, товарищ начальник?

Н а ч а л ь н и к (бодро улыбаясь). Пока ничего не слышно.

Ж е н щ и н а. Скоро это кончится?

Н а ч а л ь н и к. Ведь недавно только началось.

Ж е н щ и н а. Это длится уже третий час! Если не четвертый!

Н а ч а л ь н и к. Собственно, снегопад начался с ночи. Мы имели неблагоприятный прогноз. Но чтобы разразилась такая метель, служба погоды не предвидела.

Ж е н щ и н а. Они никогда ничего не предвидят! Или предвидят наоборот!

Н а ч а л ь н и к (с полным самообладанием). Почему же, гражданка, наоборот. Осадки, повторяю, были предвидены. Не предвидено только количество. И не так уж вам здесь неуютно, верно? Мы, во всяком случае, приложим все старания, чтоб вам было уютно.

Ж е н щ и н а. Нам нужен не ваш уют, а нам нужно лететь!

М у ж ч и н а. Вот именно. У каждого свои дела.

Б а к ч е н и н (подходит, солидно). У меня, например, завтра утром доклад на коллегии министерства.

Н а ч а л ь н и к. Полетите, товарищи, все полетите.

Г о л о с а. Но когда, когда?

Н а ч а л ь н и к. Когда будет можно.

Ж е н щ и н а. А если это продлится сутки?!

Н а ч а л ь н и к (уходя). Стихийное бедствие, товарищи. Метель небывалая во всем мире. На обоих полушариях. (Ушел.)

Г о л о с а.

- Что он сказал?

- Во всем мире, говорит, такое же.

- На обоих полушариях.

Л и н е в с к и й (подбегает). А восемьдесят четвертый когда отправят, на Одессу, - не сказал?

Люся, воспользовавшись тем, что очередь рассыпалась, вошла в кабину.

Л ю с я. Будьте так добры Славика. Ага, разбудите, пожалуйста. Славик? Славик, ты меня слышишь? Славик, я тебя разбудила, не сердись, потому что... Ну да, ты видишь... Славик, я насчет Виталика. Прогноз сообщили, что кончится неизвестно когда, может быть не скоро. Я до восьми, но когда домой доберусь, прямо не знаю, автобус, говорят, с трудом проходит... Когда Виталика заберешь, имей в виду, там между рамами бутылочка - это свежее, поставь бутылочку в теплую воду, ну ты знаешь, и покорми.

Р а д и о. Внимание! Пассажир Колосёнок, потерявший документы, зайдите к дежурному по аэровокзалу. Повторяю. Пассажир Колосёнок, потерявший документы, зайдите к дежурному по аэровокзалу.

М у ж ч и н а. Какой-то Колосёнок потерял документы.

Ж е н щ и н а. Тут голову потеряешь, а не то что документы.

Очередь возвращается и выстраивается в прежнем порядке.

Л ю с я. Попробуешь на язык, слышишь, чтоб разогрелось как следует. (Кричит в трубку, прикрывшись ладонью.) Ты меня хорошо слышишь? Холодное не давай. И горячее тоже. Да. Да. В шкафу на средней полке. И на веревке в коридоре. Славик, а ты как себя чувствуешь? Выспался? Не выспался? Ну ложись, спи дальше. Слава богу, что отдежурил, такая погода, ужас... Ну ладно, Славик, здесь народа много. Народа много! Ну хорошо. Ну пока. (Выходит из кабины.)

Ж е н щ и н а. Смотрите пожалуйста, она все-таки прорвалась без очереди!

Входят, отряхиваясь от снега, пассажиры только что прибывшего самолета Москва - Новосибирск. Среди них выделяется семья Шеметовых: моложавая мать, две дочери - двадцати четырех и восемнадцати лет, бабушка и дедушка. Их общая очень привлекательная черта - спокойствие, отсутствие суетливости, доброжелательная мягкость; от них как бы исходит тишина. Исключение представляет только Алена, младшая, но и в ней, при всей броскости ее полумальчишеского костюма и независимости поведения, отсутствует грубая шумность, и выходки ее благодаря врожденному обаянию воспринимаются с симпатией.

А л е н а. Ого! Довольно людно...

Б а б у ш к а. Хорошо бы присесть.

Н ю ш а. Может быть, наверху свободней, я посмотрю.

А л е н а. Сейчас, бабушка, мы с Нюшей наверх смотаемся.

Б а б у ш к а. Мы все пойдем наверх. Здесь дует от двери.

Поднимаются на второй этаж. Дедушка останавливается на лестничной площадке у газетно-книжного ларька.

Д е д у ш к а. Все центральные, пожалуйста, и местную.

И в а н Г а в р и л о в и ч (подает газеты). Двадцать две копейки, товарищ академик.

Д е д у ш к а. Вы полагаете?..

И в а н Г а в р и л о в и ч. В самом крайнем случае член-корреспондент. Уж тут ошибки не будет.

Д е д у ш к а (приподняв шапку). Желаю доброго здоровья.

И в а н Г а в р и л о в и ч. Вам того же.

Семья вошла в верхний зал.

Ш е м е т о в а. Разденьтесь, девочки, жарко.

Снимают пальто.

Интересно, сколько это может продлиться.

Б а б у ш к а (садится в одно из двух свободных кресел у входа). Ничего не поделаешь, запасемся терпением. А где у нас пироги?

Ш е м е т о в а. Нюша, пироги где?

Н ю ш а. В багаже.

Б а б у ш к а. Ты их сдала в багаж?

Н ю ш а. У нас все сдано в багаж.

А л е н а. Мы - голые люди на голой земле.

Б а б у ш к а. Садись, Оля, что ты стоишь?

Ш е м е т о в а. Пусть дедушка с вами. Вон там еще свободно.

Она идет, садится в освободившееся кресло рядом с Б а к ч е н и н ы м, читающим газету, и достает из сумки книгу.

Внизу Линеvский рвется в телефонную будку.

Л и н е в с к и й. Я не могу ждать! Мне необходимо!

В о ч е р е д и.

- Безобразиe! Бог знает что себе позволяет!

- Вы же только что говорили!

- Он три раза говорил!

- Я стою уже двадцать пять минут!

Л и н е в с к и й. У меня вопрос жизни и смерти!

В о ч е р е д и. Может быть, у всех жизни и смерти, почем вы знаете!

Л и н е в с к и й. У меня в буквальном смысле слова! (Дрожащими пальцами сует монету в автомат.) Это я. Это я! Я! Ну что? Он звонил? Ты ему сказала? Громче! Не слышу! Громче!

Д е д у ш к а (сел рядом с бабушкой и развернул газету). Если бы мои дамы прислушались к моему совету, мы бы ехали сейчас и ехали.

Б а б у ш к а. Ехали бы и ехали сорок восемь часов.

Д е д у ш к а. Но мои эмансипированные дамы, по обыкновению, не прислушались.

Б а б у ш к а. Наверняка на железной дороге то же самое. Наверняка заносы. Уж лучше тут посидеть, в тепле и цивилизации, чем гудеть в чистом поле.

А л е н а. Вообрази, дедушка, как это грустно - гудеть в чистом поле.

Д е д у ш к а. Зато из поезда видишь страну, а не только облачную вату.

Б а б у ш к а. А я слышать не могу о поездах, когда существуют ИЛы и ТУ. Когда я трясусь в поезде, а кто-то летит со скоростью тысяча километров в час, я себя чувствую скифом.

А л е н а. Вот видишь, дедушка. Каково бабушке чувствовать себя скифом.

Б а б у ш к а. Пошла отсюда!.. (Дедушке.) Поездом надо было выезжать в воскресенье, чтобы успеть. А ты только вчера в обед сказал, что освободился и можешь ехать. Будь элементарно справедлив, дорогой.

А л е н а. Пошли, Ньюша. Купим книжек, посмотрим, кто тут есть...

Р а д и о. Внимание! Пассажир Колосёнок, потерявший документы, зайдите к дежурному по аэровокзалу. Повторяю. Пассажир Колосёнок, потерявший документы, зайдите к дежурному по аэровокзалу.

К о л о с ё н о к, пивший в ресторане пиво, схватывается за карманы и выбегает.

Д е д у ш к а. К о л о с ё н о к. Белорусская фамилия.

Б а б у ш к а. В нашей молодости мы не знали такого сервиса. Теряешь документы, и тут же их тебе возвращают.

Д е д у ш к а (занялся газетой). Да, это удобно.

А л е н а (идя с Ньюшей). Ни одного лица, которое захотелось бы взять с собой на другую планету.

Останавливаются у ларька с книгами.

Поэзия есть?

И в а н Г а в р и л о в и ч. Чего-чего, а поэзии сколько угодно. Вам кого?

А л е н а (пресыщенно). Да не знаю...

И в а н Г а в р и л о в и ч. Вот новый имеется, только что вышел Елистратов. Сабинина Ариадна. Саломатов. Самых модных у нас не бывает, не дают нам.

Появляется радостно взбудораженный Колосёнок.

А л е н а. Бог с ними, с модными. Надоели. Я беру Ариадну и Елистратова с Саломатовым.

К о л о с ё н о к. Почитать чего-нибудь дайте... Вообразите: потерял документы и даже не знал! Сажу в ресторане, пью пиво... Вдруг слышу! Хватаюсь за карман - ничего! Ни паспорта, ни служебного удостоверения, ни командировочного! Один посадочный талон! Хорош бы я был, полетел безо всего...

А л е н а. Ну, лететь вам, видимо, не так скоро.

И в а н Г а в р и л о в и ч. Вы гражданин Колосёнок? Вас тут целый час по радио выкликали.

К о л о с ё н о к. Да вот, говорят! А я сажу пью пиво! Замечтался! А кругом ведь не знает никто, что я Колосёнок! Пока наконец дошло до сознания! Смотрю - ни паспорта, ни служебного, ни командировочного...

А л е н а. Милая фамилия Колосёнок, правда, Ньюша?

Ньюша отвернулась, перебирает книги.

К о л о с ё н о к. Находите - ничего фамилия?

А л е н а. Очень! Если б, например, она была напечатана на этой обложке: восемьдесят процентов успеха! "Вы читали стихи Колосёнка?" Прелесть! А то - Елистратов. Тоска.

К о л о с ё н о к. Стихов я, к сожалению, не пишу.

А л е н а. Но - любите?

К о л о с ё н о к. Кто же в наши дни их не любит?

А л е н а. И умеете читать? Вслух.

К о л о с ё н о к. Вот не пробовал. Ну в школе, ясно. Когда задавали. Меня в прошлом году приглашали в самодеятельность, там рольку одну сыграть, но я...

А л е н а. Я купила стихи какой-то Ариадны. Имя демоническое. Посмотрим, что она сочинила. Вам нравится Иннокентий Анненский?

К о л о с ё н о к. Кто это?

А л е н а. Был такой поэт на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий.

К о л о с ё н о к. А!

А л е н а. Он был директор гимназии, между прочим.

К о л о с ё н о к. Да?

А л е н а. Странное сочетание, правда? Директор гимназии - и вдруг поэт. Я вам прочту его стихи, если хотите. А пока почитаем эту Ариадну. Ньюша, ты скоро?

Н ю ш а (тихо). Неужели хоть тут нельзя!..

А л е н а. Ньюшечка, ты посмотри, какой он приличный, милый... И мы же обречены ждать, ждать...

Н ю ш а. Хотя бы ради стариков.

А л е н а. Да старикам до лампочки. Это ты у нас чувствительная ко всякой ерунде. Ну не надо дуться. Ну я тебя прошу. Ну ты моя радость. (Колосёнку, с улыбкой.) Пошли!

Колосёнок тащится за нею.

Л ю с я (выходит из ресторана). Ой, Иван Гаврилыч, что творится...

И в а н Г а в р и л о в и ч. Метель как метель.

Л ю с я. Я таких метелей и не помню.

И в а н Г а в р и л о в и ч. Я еще хуже помню. Пометет и перестанет.

Л ю с я. У нас уже яиц не осталось на омлеты. И сосиски кончаются.

И в а н Г а в р и л о в и ч. Газеты тоже расхватали. Журналы - вот, все. Уже "Науку и религию" берут.

Л ю с я. Говорят, автобусы почти не ходят. Как я домой доберусь? И смена, возможно, не придет нам.

И в а н Г а в р и л о в и ч. Пойдут автобусы.

Л ю с я. Когда, вопрос. Вам, Иван Гаврилыч, все равно. Вас никто не ждет.

И в а н Г а в р и л о в и ч. Почему? Старуха ждет.

Л ю с я. Жена - это разница. Прямо я работаю, и прямо руки не свои, боюсь поднос уронить. Оставила бутылочку между рамами и так спокойно из дому поехала, и в мыслях не было... Если автобус станет, я пешком пойду.

И в а н Г а в р и л о в и ч. Ну и дура. Пешком она пойдет. И заметет тебя, дуру, а ребенка сиротойпустишь?

Л и н е в с к и й (садится возле дедушки). Ужасно! (Раскачивается, взявшись за голову.)

Д е д у ш к а. Позвольте спросить, может быть, я чем-нибудь...

Л и н е в с к и й (смутно). Что?

Д е д у ш к а. Могу быть полезным?

Л и н е в с к и й. Вы можете сделать, чтобы эта проклятая метель утихла? Сегодня в пять часов в Одессе опускают в могилу мою мать. Я лечу, рискуя быть уволенным с работы, потому что этот дуб ни перед чем не остановится, когда дело касается его амбиции, - в сущности, можете уже считать меня уволенным, - я лечу, и вместо того, чтоб быть в Одессе, я сижу тут - зачем? почему? что за бред? - в пятнадцать километрах от моей работы, от моей квартиры, и ни туда, ни сюда!

Д е д у ш к а. Я не хочу вас расстраивать еще больше, но если реально смотреть на вещи - возможно, вам и не удастся к пяти часам попасть в Одессу.

Л и н е в с к и й. К пяти? В пять погребение. Мне надо быть в Одессе в половине четвертого, чтобы поспеть на кладбище, максимум в четыре, брат сидит там на аэродроме с машиной и ждет меня! Он сидит там, я сижу тут, а в пять ее похоронят без нас!

Д е д у ш к а. Вот почему я сторонник железной дороги.

Л и н е в с к и й. Я хотел поездом! Хотел! Хотел!! У меня уже билет был!! Но он же волянил, давил мне на психику, не разрешал, пока я не дам ему материал для доклада! Материал! Для доклада!! Когда умер отец, нас у нее осталось шесть душ, представляете, вот такие, один за другим, как диаграмма... Всех воспитала, всю кровь нам отдала... Я спорил с ним, умолял, действовал через общественность, - вижу, наконец, остается один-единственный самолет... Главное, что невыносимо, - вы думаете, это такая срочность, этот материал? Вы думаете, он сам, болван, не мучается от своего упрямства?! Он ждал бы хладнокровно еще пять дней... неделю! - но он сболтнул, а теперь ему вожжа под хвост... Он мучается, я мучаюсь, общественность мучается... это жизнь?!

Д е д у ш к а. Принимая во внимание, как сложились обстоятельства, в Одессу, боюсь, нечего и думать успеть к четырем, - может быть, вам есть смысл вернуться? Возобновить нормальные отношения. Вылить, так сказать, масло на бушующие волны. Горе есть горе, еще бы! Но если вы все равно опоздали? Очень трудно, вы знаете, работать, когда...

Л и н е в с к и й. Нет, этого он не дожидается! Чтобы в час ее похорон я к нему притащился с повинной?! Не выйдет!! Я ему покажу, что я тоже... мне тоже... И

почему вы уверены, что не успеть? Вдруг сейчас объявят, что мы летим? Ведь каждую минуту могут объявить. Каждую минуту!

Д е д у ш к а (почти виновато). Но метель метет...

Б а б у ш к а. Вы правы. Вот-вот могут объявить.

Л и н е в с к и й. Вы тоже думаете?.. Знаете, какой самый большой парадокс? Мы с ним учились вместе. Со студенческих лет на "ты". Был парень как парень, даже душевный. И вдруг что-то с ним сделалось. Как подменили!

Б а б у ш к а. Уволить вас он не может, пустые угрозы. Нет такого закона.

Л и н е в с к и й. Вы не знаете, что это за тип! Для него законы не писаны!

Б а б у ш к а. Ну, как это так. Для всех писаны. И гражданские законы, и законы совести писаны для всех.

Л и н е в с к и й. А, черт с ним. Уволит, не уволит. Мне лишь бы в Одессу к четверем.

А л е н а (рассказывает Колосёнку, устроившись на подоконнике; неподалеку Ньюша с журналом). Мы летим к нашему папе. У нас папа чудный, воплощение изящного ума и изящной иронии, я его обожаю! Он в Новосибирске, в академгородке, вы, наверно, слышали. Он то там, то в Москве, а мы к нему летаем, то мама, то я, то сестра, главным образом мама, конечно; и в каникулы, и просто так иногда, вечно кто-нибудь улетает или прилетает, даже его любимый пирог с капустой возим ему из Москвы по воздуху. Когда кончу университет, тоже поеду в Новосибирск работать, восхитительно будем существовать там с папой.

К о л о с ё н о к. А родные ваши ничего не будут иметь против?

А л е н а. У нас не принято друг друга угнетать. У нас каждый живет как хочет.

К о л о с ё н о к. И скоро вы кончите университет?

А л е н а. Мне нравятся те места. Сочетание традиции и первозданности. Ощущение размаха, свистит в ушах! А сейчас мы летим всем колхозом, с бабушкой и дедушкой, по особому случаю...

Б а б у ш к а (Линевскому). Ну, наш случай скромный. Сегодня день рождения нашего сына, он работает сейчас в Новосибирске. Мы привыкли быть с ним в этот день, и мы, и его жена, и обе их девочки, теперь уже взрослые...

Д е д у ш к а. Человек в таком состоянии. Он тебя даже не слышит.

Б а б у ш к а. Он слышит голос, обращенный к нему. Это лучше, чем оставлять его одного в таком состоянии. (Линевскому). У нас он, к сожалению, единственный. Все было сосредоточено на нем - привязанность, надежды... Сейчас я могла бы спокойно закрыть глаза, он окружен любящей, дружной семьей. Семья - великое дело. Видишь воочию, как жизнь передается из поколения в поколение...

С т а р у ш к а в о ч к а х (подходя, зловеще). Поздравляю вас: автобус уже не ходит.

Л и н е в с к и й (вскочил). Я пойду позвоню домой...

Кружит метель. Смеркается.

А л е н а (Колосёнку). Мы летели над облаками, там было такое голубое, голубое солнце, прямо необыкновенно голубое, мы и не подозревали, что делается на земле. Как вдруг объявляют посадку в совершенно неожиданном месте. Пробиваем облака, и вдруг мрак кругом, и что-то клубится серое, серое...

К о л о с ё н о к. А не точнее ли будет сказать, что голубое было небо, а солнце было обыкновенное, солнце как солнце, и метель не серая, а обыкновенная белая?

А л е н а. Честное слово, солнце голубое, а метель серая, - клянусь! (Показывает на окно, за которым заметно стемнело.) Ну разве не серая?.. А Анатолий - я вас не могу называть. Чудовищно торжественно. Что-то древнеримское. Вроде - Капитолий.

К о л о с ё н о к. Называйте - Т о л я. Мне очень приятно.

А л е н а. Толя, Толечка... Вы в самом деле, Толечка, ни одного стихотворения не знаете?

К о л о с ё н о к. Ей-богу. Исключительно басни Крылова. Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться. Однажды лебедь, рак да щука. Какой-то повар-грамотей с поварни забежал своей...

А л е н а. Я буду читать стихи. Вам известно, что стихи, как и музыку, нельзя перебивать?

К о л о с ё н о к. Я ни за что не буду перебивать!

А л е н а. Вот:

Сила господняя с нами,
Снами измучен я, снами...
Хуже томительной боли,
Хуже, чем белые ночи,
Кожу они искололи,
Кости мои измололи,
Выжгли без пламени очи...

Бакченин видит Шеметову.

Б а к ч е н и н. Оля?

Шеметова вздрагивает и смотрит на него.

А л е н а.

Снами, где я расставанья

Даже подобья не знаю...

Б а к ч е н и н. Оля, ты?

А л е н а.

Снами, где я расставанье

С жизнью порой начинаю...

Ш е м е т о в а. Здравствуйте, Сергей Георгиевич.

Б а к ч е н и н. Боже мой, Оля! Сколько лет, сколько зим! Смотришь... Старый хрен, да?

Ш е м е т о в а. Это сильно сказано. Разумеется, постарели оба.

Б а к ч е н и н. Ты-то молодая, красивая. Даже еще лучше стала. Правда! Я ведь тебя никогда не видел так одетой. Всегда видел в гимнастерке. Молодая, вся новая, - это прекрасно! Ты всегда была прекрасной!

Ш е м е т о в а. Будем на "вы", пожалуйста. Что касается молодости, то моей старшей дочери двадцать четыре года. У меня могли бы уже быть внуки.

Б а к ч е н и н. Вы говорите - старшая, значит...

Ш е м е т о в а. Есть и младшая. Две их у меня. У вас есть дети?

Б а к ч е н и н. Да как сказать. И есть они, и нет. Двум бывшим женам на двух детишек плачу алименты.

Ш е м е т о в а. Вы разошлись с первой... с Ниной?

Б а к ч е н и н. Нет. Нина - Нина умерла.

Ш е м е т о в а. Давно?

Б а к ч е н и н. Давно. В общем, нескладно у меня в личном отношении получилось. Потери, разлуки, разочарования... Дети растут на стороне - по сути дела чужие, нет у меня с ними душевной спайки, кто-то другой им ближе и родней. Живу бобылем...

Ш е м е т о в а. Ну, это дело поправимое, я думаю.

Б а к ч е н и н. Понимаешь - уже не так просто.

Ш е м е т о в а. На "вы".

Б а к ч е н и н. Устал, не хочется даже думать, что опять появится в доме ненужный какой-то человек и что-то будет говорить, требовать внимания к себе. В молодости туда-сюда, а когда старость подходит... Уж лучше бобылем. А ты?

Ш е м е т о в а. У меня семья.

Б а к ч е н и н. Все та же?

Ш е м е т о в а. Да.

Б а к ч е н и н. Так и не развелась?

Ш е м е т о в а. Нет.

Б а к ч е н и н. И что же, счастлива?

Ш е м е т о в а. Да.

Б а к ч е н и н. А старики живы?

Ш е м е т о в а. Вон они сидят. Вон - у входа пожилая чета. И дочки здесь где-то.

Б а к ч е н и н. Полный кворум?

Ш е м е т о в а. Кроме мужа. Мы летим к нему на день рождения.

Б а к ч е н и н. Ты прочно обосновалась.

Ш е м е т о в а. "Вы". "Вы".

Б а к ч е н и н. Вы обосновались прочно. А я прихожу домой - поздно вечером, - отпираю дверь ключом - ни души. Дворничиха чего-нибудь в холодильнике оставила, что ей заблагорассудилось, колбасы какой-нибудь, ставлю чайник, сажусь один чай пить...

Ш е м е т о в а (с мимолетной улыбкой). Когда-то вы любили шашлык.

Б а к ч е н и н. Шашлыки есть в ресторане... Вот так сижу, радио слушаю, и голоса вокруг меня только из эфира, да по телефону позвонит кто-нибудь...

Ш е м е т о в а. Слушайте, но это же мужской рай! Воображаю, сколько мужчин вам завидует.

Б а к ч е н и н. А что ты думаешь, завидуют некоторые. Я марку держу: бедные вы, говорю, вот я живу - как бог! Но тебе скажу откровенно: нехорошо так жить. Не по-человечески. Холодно... Это не твои дочки - там, у окна?

Ш е м е т о в а. Мои.

Б а к ч е н и н. Видишь, я угадал. Очень видно, что твои.

Ш е м е т о в а. Кто же вы теперь, Сергей Георгиевич, чем заняты в жизни?

Б а к ч е н и н. Я занят наукой, хорошей наукой, химией, на одном из крупнейших наших химических предприятий заведу лабораторией, в будущем году буду защищать докторскую. А ты?

Ш е м е т о в а. Преподаю на курсах иностранных языков.

А л е н а (Колосёнку). Ну как вам Анненский?

К о л о с ё н о к. Он был директор гимназии?

А л е н а. А что?

К о л о с ё н о к. Понятно, почему в начале века гимназисты стрелялись. Если сами директора писали такие стихи...

А л е н а. Смерть - это тема, которая всегда волновала поэтов. Особенно с тех пор, как человек перестал верить в свое личное бессмертие.

К о л о с ё н о к. Я считал, что их больше волнует любовь.

А л е н а. Это же взаимосвязано: любовь, бессмертие... Омара Хайяма тоже не знаете?

К о л о с ё н о к. Кто это?

А л е н а. Математик, астроном, философ и удивительный поэт.

К о л о с ё н о к. Он жив?

А л е н а. Умер восемьсот пятьдесят лет назад.

Ты опьянел - и радуйся, Хайям.

Ты полюбил - и радуйся, Хайям.

Придет Ничто, прикончит эти бредни,

Еще ты жив - и радуйся, Хайям.

Мир я сравнил бы с шахматной доской:

То день, то ночь. А пешки? Мы с тобой.

Подвигают, притиснут - и побили,

И в темный ящик сунут на покой.

Д е д у ш к а. Как тихо. словно мы не на аэродроме, а в аквариуме.

Б а б у ш к а. Никого не отправляют и не принимают. Наш самолет был последний.

Д е д у ш к а. Странное ощущение - парализованности.

Б а б у ш к а. Пассивности.

Д е д у ш к а. Какого-то незаконного отпуска. словно тебя ни с того ни с сего вынули из жизни.

Б а б у ш к а. Читай газетку.

Д е д у ш к а. Оля беседует очень серьезно. Кажется, это не новое знакомство.

Б а б у ш к а. Меня интересует А л е н а. У нее знакомство несомненно новое.
(Делает знаки, подзывая Ньюшу.)

А л е н а.

Не станет нас. А миру хоть бы что.

Исчезнет след. А миру хоть бы что.

Нас не было, а он сиял и будет.

Исчезнем мы. А миру хоть бы что.

Каких я только губ не целовал,

Каких я только радостей не знал!

И все ушло. Какой-то сон бесплотный

Все то, что я так жадно целовал.

Нюша подходит к бабушке.

Б а б у ш к а. Нюша, кто там с Аленой?

Н ю ш а. К о л о с ё н о к.

Б а б у ш к а. Это который потерял документы?.. Она ему стихи читает?

Н ю ш а. О смерти. Подряд. Он сначала протестовал, а сейчас уже не трепыхается.

Б а б у ш к а. Не стоило бы так бросаться в глаза. На нее смотрят.. Я тебя позвала зачем: если мы застрянем до завтра, не мешает хоть чокнуться за папу.

Н ю ш а. Ну что ж. В ресторанчике. Шампанское?

Б а б у ш к а. Если оно тут есть. Узнай. На всякий случай. Конечно, мы еще двадцать раз можем улететь...

Н ю ш а. Я узнаю. (Уходит.)

А л е н а.

Из края в край мы держим к смерти путь,

Из края смерти нам не повернуть.

Смотри же, в здешнем караван-сараяе

Своей любви случайной не забудь.

Л ю с я (выбегает из ресторана). Слышали, Иван Гаврилыч, автобус не ходит!
(Сбегает по лестнице; к Тамаре.) Тамара, автобус стал! Я позвоню!

Т а м а р а. На автомат!

Л ю с я. Почему ты такая вредная! Ну почему в тебе столько зла!

Т а м а р а. На автомат!

Л ю с я. Почему ты не можешь быть к людям милосердной, когда стихийное бедствие? Как мы теперь с Виталиком?

Т а м а р а. Виталик, Виталик! Не помрет твой Виталик! Покричит, подумаешь...
(Плачет.) Меня... меня на сегодняшний вечер в театр пригласили!

Л ю с я. Тамарка!.. Кто пригласил?

Т а м а р а. Лейтенант один.

Л ю с я. Гриша?

Т а м а р а. Нет, ты не знаешь. С Гришей - все.

Л ю с я. Ты подумай...

Т а м а р а. Теперь с другим с кем-нибудь по этим билетам пойдет. И не звонит. Хоть бы позвонил, сожаление выразил.

Л ю с я. Надо же!

Т а м а р а (сморкается). Такое мое везенье. Всю жизнь так. А Гришка подонок оказался первой марки... Звони.

Л ю с я (поднимает трубку). Чего-то гудка нет.

Т а м а р а. Ну да?

Л ю с я. Тамара, он не работает.

Л и н е в с к и й (в телефонной кабине старается оживить отказавший автомат). А, черт! Алло! (Дует в трубку.) Алло! Алло! (Выходит из кабины.) Не работает. (Идет вдоль очереди.) Не работает. Не работает.

Л ю с я (поднялась наверх). И телефон не работает. Вот оно, Иван Гаврилыч. Вот теперь как знаешь.

И в а н Г а в р и л о в и ч. Ну, а что телефон? По телефону ты его не накормишь.

Л ю с я. Все-таки легче, когда связь. А сейчас как будто между мной и ими такое расстояние, как до луны.

И в а н Г а в р и л о в и ч. Ты ж какое-то там питание обеспечила.

Л ю с я. На вечер. А ночью?

И в а н Г а в р и л о в и ч. До ночи далеко. В самом крайнем случае, ну - сварит ему твой Славик какую-нибудь кашу.

Л ю с я. Вы не понимаете, что вы говорите.

И в а н Г а в р и л о в и ч. Очень даже понимаю. Сам варил.

Л ю с я. С ума сойти, и только.

Н ю ш а (Люсе). Будьте добры. У вас есть шампанское?

Л ю с я. Какое смотря. Сладкое?

Н ю ш а. Полусухое.

Л ю с я. Насчет полусухого спрошу. (Уходит в ресторан.)

Л и н е в с к и й (поднялся наверх). Не работает.

И в а н Г а в р и л о в и ч. Кто?

Л и н е в с к и й (сомнамбулически). Телефон. (Уходит в зал.)

И в а н Г а в р и л о в и ч. Все расстраиваются. Женщина о ребенке беспокоится, ребенок в городе, она тут, ничего такого особенного, чтоб так уж беспокоиться, перетерпит мальчонка, но, знаете, кормящая мать.

Н ю ш а. А далеко до города?

И в а н Г а в р и л о в и ч. Докуда считать. До центра пятнадцать километров.

Н ю ш а. А мы тут с шампанским.

И в а н Г а в р и л о в и ч. Ну, это что ж. Это ее служба.

Л ю с я (возвращается). Вам одну бутылку полусухого?

Н ю ш а. Две. И фрукты.

Л ю с я. На сколько персон накрывать?

Н ю ш а. На пятерых, будьте добры. Только мы не сейчас хотели бы, попозже.

Л ю с я. Так и скажите.

Н ю ш а. А сейчас - коктейль какой-нибудь я могу выпить?

Л ю с я. Коктейлей у нас не бывает. Фруктовая вода.

Н ю ш а. Ну, фруктовой воды. (Присела к столику.)

Люся приносит воду.

Кто же у вас дома с ребенком?

Л ю с я. В данное время он в яслях. (Отходит и возвращается.) Потом муж его заберет. (Отходит и возвращается снова - тема ее увлекает.) Мы по очереди забираем, или муж, или я. Если уж оба на работе - тогда сосед, в одной квартире живем, пенсионер, отзывчивый старичок.

Н ю ш а. Трудно.

Л ю с я. То есть!.. Я так вам скажу: если б не ясли, во-первых, и сочувственные люди, во-вторых, - могли бы мы воспитывать Виталика? Никоим образом! Поженились молодыми, неустроенными, по общежитиям жили, спасибо, комнату дали. Удачно вышло - пока я в роддоме была, муж ордер получил, так что мы с Виталиком из роддома прямо на новую квартиру поехали, а там уж и кровать приготовлена, и ванночка, муж позаботился... Если б не так мне далеко от работы!

Н ю ш а. Надо сменить работу.

Л ю с я. Ну, это я себе не могу позволить, такую хорошую работу бросить. Меня сюда двоюродный брат устроил, летчик-испытатель. Да я уже привыкла к этим расстояниям. Это сегодня погода сумасшедшая. Хоть бы к ночи утихло, господи! Как подумаю - как он будет кричать! А добраться пешком, все говорят, и думать нечего.

Н ю ш а. Вы счастливая женщина.

Л ю с я. Вообще, знаете, несмотря на трудности...

Н ю ш а. Вас такие серьезные, важные вещи окружают. Основоположные... Ребенок. Ванночка. Кровать. Хороший муж... хороший?

Л ю с я. Да ничего!

В верхнем зале. Бакченин и Шеметова.

Б а к ч е н и н. Ваша дочь мне улыбается.

Ш е м е т о в а. Не вам. Своему собеседнику.

Б а к ч е н и н. Она смотрит на меня.

Ш е м е т о в а. А улыбается ему. Через час объявит, что выходит за него замуж. Через два часа забудет об его существовании. Но пока что она занята только им.

Б а к ч е н и н. Красивые у вас дочери.

Ш е м е т о в а. Которая лучше?

Б а к ч е н и н. Даже не скажешь. Обе. Но вы красивее. И двадцать лет назад были красивее, и теперь.

Ш е м е т о в а. Как выяснилось на опыте, само по себе это ничего не приносит.

Б а к ч е н и н. Прошлого не вернешь? Да, конечно. Но не знаю, как вы, а я согреваюсь, вспоминая. Озябну - и греться. У тебя, вероятно, настоящий домашний очаг...

Ш е м е т о в а. Знаете, когда двое детей, и двое стариков, и работа, и очень занятой муж, которому надо помогать жить, - просто времени нет зябнуть. День начинается заботами и кончается заботами.

Б а к ч е н и н. А у меня...

Ш е м е т о в а. Да и у вас забот хватает, хоть вы и один.

Б а к ч е н и н. У меня это рядом существует. Заботы, дела - а рядом ты. Стоишь тихо, смотришь своими глазами. В гимнастерочке... Родная моя! Я тебя всю жизнь пронес в гимнастерочке. Ты ее выбросила?

Ш е м е т о в а. Не помню.

Б а к ч е н и н. Если разобраться - никого никогда больше и не было.

Ш е м е т о в а. Сергей Георгиевич!

Б а к ч е н и н. Нельзя? Ни к чему, да?

Ш е м е т о в а. Вот именно. Бессмысленно.

Они разговаривают, как и до сих пор, не повышая голоса, на ровной интонации, без жестов.

Б а к ч е н и н. А если необходимо сказать?

Ш е м е т о в а. Уж так-таки. Мы зрелые люди.

Б а к ч е н и н. Что значит - зрелые люди? Все в них, что ли, пришло к завершению и далее уже не может изменяться? Тогда это мертвецы. Я не хочу думать, что мы с тобой умерли.

Ш е м е т о в а. Я серьезно прошу, говорите мне "вы".

Б а к ч е н и н. Я стараюсь, стараюсь... Но я двадцать лет обращался к вам на "ты" - за час не переучишься... А вы в эти двадцать лет - почти двадцать, около девятнадцати мы в разлуке, да? - вы все-таки иногда со мной в мыслях разговаривали?

Ш е м е т о в а. В первые годы.

Б а к ч е н и н. А потом?

Ш е м е т о в а. Потом вы отделились. Ушли.

Б а к ч е н и н. Совсем?

Ш е м е т о в а. Да.

Б а к ч е н и н. А вы ко мне, наоборот, приблизились. Вначале, после войны, засуетился я как-то... А сейчас, когда за полдень перевалило давненько уже - и потребность чувствуешь оглядеться, оглянуться, осознать... Неужели тебе безразлично то, что было?

Ш е м е т о в а. Ничего не было.

Б а к ч е н и н. Даже так.

Ш е м е т о в а. Твердо усвойте: не было ничего.

Б а к ч е н и н. Что ты, Оля? Чего ты испугалась?

Ш е м е т о в а. Прекратим.

Б а к ч е н и н. Ничего не было? Так-таки ничего? В крематории сжигают - и то горсть пепла остается... Не помнишь наши первые встречи? Нашу последнюю встречу?

Ш е м е т о в а. Фронтовой эпизод. Мало ли что случается с нашей сестрой. Да еще в войну.

Б а к ч е н и н. Наши вечера не помнишь? И как я к тебе убегал из госпиталя? Не помнишь наше счастье? Наше отчаянье?..

Кружит метель.

2

Г о л о с Б а к ч е н и н а. Неужели не помнишь?

Нет здания аэровокзала, сцена пуста и темна.

...Топится печурка. Это печурка в комнате, где живет Шеметова, в прифронтовом городке. Глухо доносится артиллерийская стрельба. Шепчет приглушенный репродуктор.

У печурки - молодая Ш е м е т о в а в гимнастерке, в лейтенантских погонах, и молодой офицер Б а к ч е н и н.

Б а к ч е н и н. Никогда бы не подумал.

Ш е м е т о в а. Вот, представьте.

Б а к ч е н и н. Чтоб у такой женщины, как вы, - и не было счастья!.. Но вы его любили, да? Раньше. Сначала.

Ш е м е т о в а. Да, конечно. Да, вероятно, - иначе как бы я шла за него? Он так все красиво обставил... Он это умеет, вся их семья умеет. Они знают, когда какой букет надо поднести, и какой праздник как праздновать, и когда что сказать, и кого как принять... Вообще, знают, как надо жить. А мне с ними почему-то - так сонно... чуждо...

Б а к ч е н и н. А я считал, и другие считают, что вас где-то ждет очень дорогой человек.

Ш е м е т о в а. Почему вы считали?

Б а к ч е н и н. Ну - вы часто получаете письма.

Ш е м е т о в а. Главным образом от родителей мужа. Сводки о здоровье моей дочки. Правда, муж тоже пишет аккуратно.

Б а к ч е н и н. Он где, вы говорили?

Ш е м е т о в а. Пока еще в Казани. Видимо, вот-вот они вернутся в Москву.

Б а к ч е н и н. На фронте не был?

Ш е м е т о в а. Он ученый, у него бронь. Не усмехайтесь, пожалуйста, он действительно большой ученый, его под пули не пустят.

Б а к ч е н и н. А вас пустили.

Ш е м е т о в а. Ну, меня!.. Мне знаете что помогло - знание немецкого. Так по штабам с сорок третьего года...

Б а к ч е н и н. И он не возражал?

Ш е м е т о в а. Ну еще бы. Но если человек что-нибудь решил крепко... И у нас не принято давить друг на друга. Бурь, во всяком случае, не бывает. Даже ссоримся вполголоса, добропорядочно.

Б а к ч е н и н. А дочка как же?

Ш е м е т о в а. Она маленькая. Ей с бабушкой и дедушкой неплохо.

Б а к ч е н и н. Скучаете все-таки?

Ш е м е т о в а. Ну, господи!..

Б а к ч е н и н. Дедушка и бабушка - это родители...

Ш е м е т о в а. Мужа. Мои - умерли. Еще до войны... Удивительно!

Б а к ч е н и н. Что вас удивляет?

Ш е м е т о в а. Чуть не каждую ночь ходите смерть дразнить, и еще есть время и охота замечать, кто сколько получает писем...

Б а к ч е н и н. А вы ничего такого не замечаете?

Ш е м е т о в а. Я не хожу смерть дразнить. Вы языка доставляете, я перевожу - мое дело маленькое.

Б а к ч е н и н. Эх, Ольга Васильевна, живой живое думает. Пока живы - что нам смерть?

Ш е м е т о в а. Ненавижу вашу бесшабашность. Ненавижу! Эту отчаянность оголтелую... лихачество сверх всякой меры...

Б а к ч е н и н. Сплошь да рядом, чтоб вы знали, выигрывает отчаянный, а осторожный пропадает. Не подразнив даже, как вы выражаетесь, в полное свое удовольствие.

Ш е м е т о в а. Лезете к черту в зубы - из-за чего: из-за паршивого барана!

Б а к ч е н и н. Ах, это нехорошо! Этого я от вас не ожидал! Вы забыли, какой был шашлык? Сплошная нежность была, не барашек, а неземное существо, косточки во рту таяли, вы же сами хвалили, а теперь говорите паршивый баран, ай-ай-ай!

Ш е м е т о в а. Из-за шашлыка врываться на вражью полосу под огонь...

Б а к ч е н и н. Уж и огонь там. Построчил кто-то из автомата. Всё вам наврали.

Ш е м е т о в а. Но я же серьезно. Это уже не храбрость, Сережа! Нелепость, безумие - так играть своей жизнью, когда конец завиднелся!

Б а к ч е н и н. Какой конец?

Ш е м е т о в а. Войне конец.

Б а к ч е н и н. Когда ей конец, по-вашему?

Ш е м е т о в а. Ну, может, полгода еще, от силы год.

Б а к ч е н и н. Мы с вами можем знать, да? Когда началось, многие тоже говорили - от силы год. Я лично так считал... И что такое год? Величина в высшей степени относительная. И полгода относительная. И день. И минута. Одна длина у мирного года, у военного другая, верно? Одна длина у минуты в Казани, другая - у разведчика на вражьей полосе... Так что "скоро конец" - это смотря для кого... А в общем, ерунда. Суждено так суждено. Чему быть, того не миновать. В нашем деле хочешь не хочешь фаталистом становишься.

Ш е м е т о в а. Глупо.

Б а к ч е н и н. Совсем не так глупо и очень помогает. И как не быть фаталистом, вы подумайте. Жена меня в сорок первом провожала - я на нее рассердился даже: что ты, говорю, меня как мертвого оплакиваешь, я еще живой, слава богу! Да и вся семья чересчур как-то убивалась... И вот, пожалуйста: я до сих пор цел, а уж в каких переплетах приходится бывать, вы знаете, - а они, гражданские люди, которых я оставил в нормальной обстановке, в нормальной квартире в центре Ленинграда, - в первый же год! Все до одного!.. Кто это шутит, интересно? Почему не меня, бойца, призванного отдать жизнь? Почему их - непризванных... уж таких

не бойцов, таких смиренных людей... (Помолчав.) По справедливости - не должен я уцелеть. Иначе что же...

Ш е м е т о в а. Как ее звали?

Б а к ч е н и н. Нина.

Ш е м е т о в а. Долго были вместе?

Б а к ч е н и н. Год. Третий курс окончил - женился... Какая-то она была невезучая. То на гололедице упадет, расшибется, то у нее деньги в трамвае вытащат... Детство нескладное, без ласки, без красоты... С легкими неважно было, вообще никуда здоровье... Она говорила, что только со мной ей жизнь улыбнулась.

Ш е м е т о в а. Ребенок был?

Б а к ч е н и н. Нет, слава богу. Куда бы еще ребенок в блокаде. Хватит взрослых.

Ш е м е т о в а. Как вы узнали?

Б а к ч е н и н. Написали чужие люди. Вынули мои письма из ящика и написали, чтоб больше не писал - некому... Это к вопросу о том, что фатализм - глупость... что лихачить - нелепо... Эх! Все эти слова благоразумные!.. (Смотрит на часы.) Ну вот. Поболтали мы с вами. (Встает.)

Ш е м е т о в а. Так рано?

Б а к ч е н и н. Велено быть.

Ш е м е т о в а. Разве и сегодня?

Б а к ч е н и н. Явиться всем в двадцать ноль-ноль. А там на кого, как говорится, падет жребий...

Ш е м е т о в а. Сережа!

В репродукторе позывные.

Б а к ч е н и н. Приказ. (Увеличивает громкость.)

Они с Шеметовой ждут молча. Радио передает приказ Верховного главнокомандующего.

(Уменьшает громкость.) Вот так-то! А вы говорите! (Надевает шинель.)

Ш е м е т о в а. Сережа. Все-таки. Я прошу.

Б а к ч е н и н. Быть благоразумным? До свиданья, Ольга Васильевна. Спасибо.

Ш е м е т о в а. До свиданья.

Б а к ч е н и н (у двери). Завтра можно прийти?

Ш е м е т о в а. А как вы думаете?

Б а к ч е н и н. В эту дверь войти, да, и сесть на эту табуретку, к этому огню, да?.. До свиданья.

Ш е м е т о в а. Сережа!.. Сережа, я забыла сказать, я не успела дочитать ваш журнал, я вам отдам завтра...

Б а к ч е н и н. До завтра. (Уходит.)

Шеметова стоит в открытой двери, смотрит вслед. Синяя лампочка горит на улице. Гремят в отдалении орудия. По радио опять звучат позывные, предваряющие новый приказ.

Г о л о с Б а к ч е н и н а. Неужели не помнишь?

...Сцена пуста и светла, и из ее глубины идет Б а к ч е н и н в госпитальном халате, широко раскинув руки, в которых он держит костыли.

Б а к ч е н и н. Не обращай внимания, прошу тебя! Никаких костылей нет, одна видимость! Вот, пожалуйста! (Бодро шагает, прихрамывая.)

Ш е м е т о в а (бежит ему навстречу). Ну-ну-ну, не форси! Осторожно!

Б а к ч е н и н. Я боялся, ты понимаешь, что без них буду идти к тебе чересчур медленно!

Ш е м е т о в а. Да что за мальчишество, кому это нужно!

Б а к ч е н и н. Мне нужно. Мне! Чтоб рядом с тобой быть изящным.

Ш е м е т о в а. Дурачок... Ну покажись, какой ты. Сто лет не видела.

Б а к ч е н и н. Этот старый черт такие завел порядки! По воскресеньям - и всё! Хоть ты сдохни перед ним!

Ш е м е т о в а. Ты похудел.

Б а к ч е н и н. Похудеешь. Экий жлоб! Я на него орал, пока мы не охрипли оба.

Ш е м е т о в а. Сума сошел! На профессора! На генерала!

Б а к ч е н и н. И ни в какую: "Только по воскресеньям!" А сегодня еще только среда!

Ш е м е т о в а. Ты получил мою записку?

Б а к ч е н и н. Да. Ты умница. А ты мою получила?

Ш е м е т о в а. Ну ясно, раз я здесь!

Б а к ч е н и н. Вы, говорит, курорт развели в прифронтовом госпитале... А кому вред, что ты ко мне ходила?! Я благодаря этому раньше времени на ноги стал! Какой он профессор, если не понимает!..

Ш е м е т о в а. Ну не волнуйся. Ну не волнуйся. Ну бог с ним. Увиделись же.

Б а к ч е н и н. Да, но не увиделись трое суток - с какой стати, спрашивается?!

Ш е м е т о в а. Самовольно небось удрал или отпустили?

Б а к ч е н и н. Они отпустят, жди. Ничего, ограда пустяковая. Арефьев помог, я ему на спину стал. А потом он мне перебросил... (Показывает на костыли.)

Ш е м е т о в а. Никто не видел?

Б а к ч е н и н. Какие-то солдаты проходили. Будь здоров, говорят, желаем удачи.

Ш е м е т о в а. Серезка. Тебя разоблачат и отправят в тыл. Что тогда будем делать?

Б а к ч е н и н. Разоблачат, тогда и будем думать - что делать.

Ш е м е т о в а. Тогда уже поздно. Нет, правда: ты не очень с ним задирайся. Я не могу, чтоб тебя отправили.

Б а к ч е н и н. Не отправят. Мне уже выписываться на днях.

Ш е м е т о в а. Как я без тебя? Я эти трое суток умирала... (Плачет.)

Б а к ч е н и н. Вот, ей-богу. Сводка хорошая, погода хорошая, так я славно организовал наше свидание, а ты... Вот он я, вот она ты, чего же плакать, ну?

Ш е м е т о в а. И сама не знаю. От счастья. И теперь ведь тебя не смогут, правда, посылать в разведку? Не смогут, не смогут! И мы не будем каждый вечер прощаться навсегда!

Б а к ч е н и н. Ненаглядная моя... Теперь я дорожку проложил. Через все заборы, через всех профессоров и генералов. Теперь жди меня к себе. Придешь из штаба, откроешь дверь, - а я тут как тут! (Поцелуй.) Если в тыл, Оля, - это уже по демобилизации.

Ш е м е т о в а. Не говори о демобилизации.

Б а к ч е н и н. Говорить не говорить - уже недалеко.

Ш е м е т о в а. Когда я слышу это слово, мне гора представляется. Гора всяких сложностей. У, горища!

Б а к ч е н и н. Опять-таки незачем переживать заранее.

Ш е м е т о в а. Если б можно так: просто чтоб мы вместе и не надо разлучаться... и никому чтоб от этого не было боли...

Б а к ч е н и н. Кому? Почему я обязан об этом беспокоиться? Я о нас с тобой хочу беспокоиться! А я не перенес боли? Дай бог, сколько мне ее выпало... И откуда известно, что ему так уж будет больно? Может, и не так уж!

Ш е м е т о в а. Ты не знаешь, что такое для него ребенок. Он считает - семья должна существовать ради ребенка. Что бы ни было. У ребенка должны быть отец и мать, он говорит. Ну, и он... хорошо ко мне относится.

Б а к ч е н и н. Ты ему написала?

Ш е м е т о в а. Нет. Это прежде был разговор.

Б а к ч е н и н. Вероятно, он не захочет отдавать ребенка.

Ш е м е т о в а. На это я не пойду. Но когда представлю себе, как я буду забирать у них Ньюшу!.. И теперь ведь разводиться через суд. Эти процедуры! Говорить о нем, о тебе...

Б а к ч е н и н. Так нельзя, моя радость. Не желаю видеть твои самоистязания. Подумаешь, суд! Это же проформа. Ну, неприятная, согласен. А что поделаешь, если нам приходится прорываться друг к другу через колючки. Важно одно: чтоб ты меня любила. Я хочу, чтоб сегодня же вечером, когда ты придешь домой и откроешь свою дверь...

Г о л о с а. Горько! Горько!

Горит огонь в камине. У камина Ш е м е т о в а, Б а к ч е н и н в новом кителе, А р е ф ь е в, еще н е с к о л ь к о о ф и ц е р о в с кружками в руках.

А р е ф ь е в (подняв кружку). Ну горько же людям!

Б а к ч е н и н. Понимаешь, Оля, им горько. Надо их пожалеть. (Целует Шеметову.)

О ф и ц е р ы. Ура!

Ш е м е т о в а. Идиотизм! Какое горько?! Хотя бы вы, Арефьев, не поддавали тут жару. Еще когда я разведусь!

Б а к ч е н и н. Тихо, тихо. Им нельзя ждать, пока ты разведешься. Кто-нибудь может не дожждаться.

Дальние орудийные залпы.

О ф и ц е р ы.

- Опять мы заговорили.

- Шагаем...

- А в Москве сейчас салют гремит в вашу честь.

- Почему не пьет молодая?

Ш е м е т о в а. Да ведь гадость.

О ф и ц е р ы.

- Ну как же это.

- Немножко.

- Спирт ничего.

- Глоточек.

Б а к ч е н и н. Выпей. За нас.

Шеметова пьет.

О ф и ц е р ы. Ура!

Гитара, песня.

Б а к ч е н и н. Пойдите. Пойдите. Мои дорогие. Я хочу сказать слово. Маленькую речь. Можно, Оля, да? (Вдруг задумался.) Да, так о чем будет моя речь?

О ф и ц е р ы.

- О любви! О любви!

- Ну чего ж ты, мы слушаем.

- Подсказать начало? Ну, давай. "Дорогие товарищи, боевые друзья!"

А р е ф ь е в. Ничего, Сережа. Это у тебя немота от переживаний. Ну храбро.

Б а к ч е н и н. Дорогие товарищи, да, я буду говорить о любви.

О ф и ц е р ы. То-то. Правильно.

Б а к ч е н и н. Но сначала хочу вам напомнить беспощадные черные ночи, ночи без любви, без надежды, без звезд, когда мы с вами идем дразнить смерть, а смерть выходит играть с нами в жмурки...

О д и н и з о ф и ц е р о в. Стихами говорит...

А р е ф ь е в. Пусть говорит как хочет. У него счастье.

Д р у г о й о ф и ц е р. А почему без надежды?

Т р е т и й. И звезды тоже видны, как правило...

Б а к ч е н и н. Ночи, когда мы забываем, что есть на свете женская тишина, женская нежность... женская благословенная ласка... и что есть на это все наше святое человеческое право!.. Но вот настает утро, оно настает наперекор всему. Встает солнце. И уползает смерть в свои траншеи. И мы идем домой, уцелевшие, и что же мы видим - над кровавой, вытопанной землей утренний цветок раскрылся, такой свежий, такой новенький, что больно становится сердцу, и над этой крошечной чашечкой пчела дрожит, прилетела за медом, и в чашечке ей мед приготовлен! Я не знаю, как для вас. А для меня это всегда чудо, всегда. Я останавливаюсь, как дурак, над цветком и над пчелой, и я плачу. Дорогие друзья, я пью за цветок, за пчелу, за чудо жизни, за Олины глаза...

Шеметова берет его руку и целует.

О ф и ц е р ы. Горько!

Гитара.

Г о л о с Ш е м е т о в о й. А это вы помните?

...Шеметова и Бакченин сидят на садовой скамье.

Ш е м е т о в а. Значит, так.

Б а к ч е н и н. Значит, так.

Ш е м е т о в а. Даже не верится, что вместе поедем, вместе приедем, вместе по улицам, вместе в твой дом! Я уже устала от этих разных квартир, что я одна, ты с

Арефьевым, видимся урывками, как будто мы тайные любовники... Теперь твой дом - и мой тоже. Мой дом меня ждет в Ленинграде. Мой родной дом...

Б а к ч е н и н. Немножко беспокоюсь, как будет с пропиской. Пока мы не зарегистрированы официально.

Ш е м е т о в а. А, господи. Сходим в милицию, объясним положение.

Б а к ч е н и н. Могут и не прислушаться к нашим объяснениям.

Ш е м е т о в а. Ну, не прислушаются, тогда и будем думать, что делать. Видишь, ты меня уже перевоспитал. Не хочу заранее переживать всякую ерунду. Подумаешь, прописка.

Б а к ч е н и н. Не такая ерунда, как кажется. Это не армия, где все тебе по аттестату положено. Натопаемся по начальничкам.

Ш е м е т о в а. Договорюсь о работе, оформлюсь, приберу комнату, она, наверно, в кошмарном виде...

Б а к ч е н и н. Да уж, могу себе представить. Начиная с того, что стекла выбиты, и достать - проблема.

Ш е м е т о в а. Откуда ты знаешь, что выбиты?

Б а к ч е н и н. По всему Ленинграду выбиты.

Ш е м е т о в а. Ничего, достанем... И поеду за Ньюшей. Чтобы сразу там все покончить, одним ударом. Меньше встреч - меньше тяжелых разговоров.

Б а к ч е н и н. Ты ему так и не написала?

Ш е м е т о в а. Нет. По почте - по-моему, знаешь, не очень порядочно. Вроде - из-за угла. Раз уж я все равно должна туда поехать. Лучше сказать. Лицом к лицу... И потом, они так трудно в Москву возвращались, свекор болел, свекровь замучилась, а тут бы еще это письмо мое...

Б а к ч е н и н. Что ж, мудро.

Ш е м е т о в а. Ты пойми правильно.

Б а к ч е н и н. Я понимаю.

Ш е м е т о в а. Ты правда не сердишься?

Б а к ч е н и н. Правда не сержусь.

Ш е м е т о в а. Знаешь, я думаю, мне удастся из Москвы привезти. Стекла. Без стекол Ньюше никак нельзя, конечно.

Б а к ч е н и н. Я бы сказал, что и нам не рекомендуется. Без стекол.

Ш е м е т о в а. Мы-то пока уж как-нибудь...

А р е ф ь е в (подходит). Бы, счастливички! Строите лучезарные планы?

Ш е м е т о в а (улыбается ему). Мы, счастливички, строим лучезарные планы.

А р е ф ь е в. Молодцы, ей-богу. А мне трубить. В Германию вроде бы прочат.

Б а к ч е н и н. А что, интересно.

А р е ф ь е в. Может, оно и интересно. Но очень уж тянет до дому, до хаты. К своим. Как-то наладить, что война разладила.

Б а к ч е н и н. И то верно.

А р е ф ь е в. Какие-то у меня последнее время желания сугубо штатские. До тоски. Выйти, например, рано утром на свое крылечко, кликнуть сынишку, дровишек с ним напилить...

Ш е м е т о в а. Милые вы мои, милые. Мне совестно, страшно быть эгоисткой...

А р е ф ь е в. Но? Вы хотели сказать "но".

Ш е м е т о в а. У меня война ничего не разладила. Мне она дала все на свете. Бывает же! Сережу дала. Это ужасно, да, что я говорю? Имея в виду, что этому сопутствовало.

А р е ф ь е в. Почему ужасно? Вы же ни в чем не виноваты, в том, что сопутствовало. И в том, что у вас так сложилось. Вы ему явились, как награда и утешение... и будьте счастливы! Мой вам наказ.

Ш е м е т о в а. А когда вы отслужите в Германии, вы к нам в гости выберетесь, да?

А р е ф ь е в. Спасибо.

Ш е м е т о в а. Нет, правда. Мы вам всегда будем рады, да, Сережа? Нам будет что повспоминать с ним, верно?

А р е ф ь е в. А знаете, Оля, вы стали говорить похоже на него. (Имитирует.) "В гости выберетесь, да? Будет что повспоминать, верно?" Как Сережка, точно!

Ш е м е т о в а. А что тут странного? Кто-то мне говорил, что, когда муж и жена очень долго живут вместе, они даже наружностью становятся похожи.

А р е ф ь е в (тихо поет). Ехал казак на вийноньку, сказал: прощай, дивчинонька! Прощай, дивчина, карие очи! Еду в чужую сторону...

Ш е м е т о в а. Ох! Не надо грустного. Я вас очень прошу. Всю войну грустное, грустное... Радоваться пришло время! Смеяться! Никаких больше "прощай", только "здравствуй", запомните, слышите?!

Г о л о с Ш е м е т о в о й. Это-то, уж конечно, помните. Не могли забыть.

...Бакченин ждет Шеметову у нее на квартире. Он в состоянии несвойственного ему угрюмого напряжения. Шеметова входит.

Ш е м е т о в а. Сереженька! Ну, вот и все. На все четыре стороны. Цивильная гражданка. Теперь только забрать сухой паек на дорожку. Ты давно меня ждешь? (Замечает его состояние.) Что случилось?

Бакченин помогает ей снять портупею.

Неприятность?

Б а к ч е н и н. Не знаю, как назвать.

Ш е м е т о в а. Какая? Что такое? Не отпускают? Ну что? Что?

Б а к ч е н и н. Оля...

Ш е м е т о в а. Несчастье!

Б а к ч е н и н. Не знаю, Оля.

Ш е м е т о в а. Какое?

Б а к ч е н и н. Я не вправе сказать - несчастье...

Ш е м е т о в а. А что ж это?

Б а к ч е н и н. У кого бы язык повернулся? Грешно, верно, сказать живому человеку - иди обратно в могилу?

Ш е м е т о в а. Какому человеку?.. (Садится.) Скорей!

Б а к ч е н и н. Письмо получил.

Ш е м е т о в а. От Нины!

Б а к ч е н и н. Она в Свердловске. По госпиталям два года с лишним. После бомбежки. Восстановили. Протез. Рука.

Шеметова сидит неподвижно.

Два года сплошных операций... И прежде-то была не ахти какого здоровья. Что-то находили с легкими. Я тебе говорил... Теперь инвалид. А остальные погибли. Все по очереди. Друг за другом. От голода. Вот почему, должно быть, мне написали, что она тоже... А ее вывезли в состоянии беспамятства, с тяжелыми увечьями. На улице бомба накрыла...

Стук в дверь.

Да!

А р е ф ь е в (входит). Добрый вечер. Что, Оля, поздравить можно? Ауфвидерзеен? Цу хаузе, нах Ленинград? Поздравляю от души... Чего у вас случилось что-нибудь? Поругались? Неужели уже поругались?

Б а к ч е н и н. А р е ф ь е в. Погуляй иди. У нас тут...

А р е ф ь е в. Это никуда не годится, если с этих пор начнете ругаться. Нет уж, на это вам моего благословения нет. Сережа, ты за почтой заходил? Там тебе заказное было. Из Свердловска. Я хотел взять, она говорит - пусть сам придет, распишется. Ты зайди.

Б а к ч е н и н. Я заходил, заходил.

А р е ф ь е в. Ну ладно, ребяташки. Приду, когда помириться. Ты мне только не обижай Олю. Смотри, какая она сидит. Не давайте ему, Оля, в обиду. Хорошенько его! Да вы крепкая, не дадитесь.

Б а к ч е н и н. Слушай, да иди ты!!

Арефьев уходит. Молчание. Оно разрешается криком Шеметовой. Шеметова рыдает, упав головой в руки.

Г о л о с Ш е м е т о в о й. И вернулась я в Москву. В дом, с которым мысленно уже распрощалась.

...Шеметова с чемоданом, с шинелью через руку, в гимнастерке без погон, звонит у двери. Время позднее, ночь.

Б а б у ш к а (из-за двери). Кто там?

Ш е м е т о в а. Откройте, пожалуйста.

Б а б у ш к а (смотрит через цепочку). Вам кого угодно?

Ш е м е т о в а. Бабушка, это я.

Б а б у ш к а. Оля! (Торопливо снимает цепочку.) Оля, деточка! (Схватывает, целует.) Голубушка родная! Не узнала в этой форме... Как же ты, как же ты телеграмму не дала, мы и не встретили... Совсем? Или в отпуск?

Ш е м е т о в а. Покажите Нюшу.

Б а б у ш к а. Сейчас, сейчас. Дай повешу. (Берет шинель.) Спит Нюша, лучше ей, слава богу. Теперь уж на поправку дело идет. А та неделя, по правде говоря, очень была тревожная. Хорошо - Мите удалось достать пенициллин. Сейчас все, все в порядке, не волнуйся.

Ш е м е т о в а. Что было?

Б а б у ш к а. Ах, милая. Такую грозу пронесло. Двустороннее воспаление легких. Дура нянька вывела после гриппа без шарфика. Я отовариться поехала, а она, вообрази, без шарфика ее повела - такого ребенка слабого, который прямо на лету хватает болезни! Мало того - даже пальтишко не застегнула как следует!

Ш е м е т о в а. Вы не писали, что она слабая.

Б а б у ш к а. Зачем же, Оля, мы будем писать. Когда ты ни приехать, ни помочь не в состоянии. Просто глупо терзать человека понапрасну. Хотя, если б Митя не достал пенициллина, я бы телеграфировала. Предел есть такой, за которым скрывать нельзя. Теперь могу тебе сказать, она за эти годы чем только не переболела. Без докторов и лекарств просто дня не живем.

Ш е м е т о в а. Где она?

Б а б у ш к а. Ты, наверно, хочешь руки помыть с дороги.

Шеметова моет руки.

(Приносит чистое полотенце.) Когда я писала, что дедушка болен, это никакой не дедушка, это она болела. Скарлатиной. Из-за этой скарлатины мы лишних два месяца просидели в Казани. Дедушка у нас молодцом. А Ньюша вся в Митю, он тоже маленький вечно болел, а вырос - и ничего, как ты знаешь. Он в командировке сейчас. Дня через три будет. Вчера звонил, справлялся о Ньюше и нет ли от тебя чего-нибудь... Ну, пойдём. Я её к себе забрала. А дедушка пока в вашей комнате, полный кавардак. Он несколько ночей около неё со мной дежурил. Не знаю, как бы я без него. Чужому в таких случаях не доверишь.

Стоят у Ньюшиного изголовья.

Выросла?

Ш е м е т о в а. Длинненькая... косточки мои...

Б а б у ш к а. Что худенькая, это ничего. Терпеть не могу жирных детей. Ты без этих, без погон, - значит, совсем, слава богу... Хочешь, сию же минуту эвакуирую дедушку из твоей комнаты? Затоплю тебе ванну, выкупаешься, ляжешь как принцесса. Все твои вещи в шкафу, в порядке, сама разбирала, ждут тебя, из моды только, конечно, все повыходило. Хотя большинство пока одевается, знаешь, - кто во что горазд...

Ш е м е т о в а. А можно, я тут где-нибудь лягу? Около неё.

Б а б у ш к а. Где ты хочешь, родная. Главное, что вернулась совсем. Господи, дождалась! И Гитлера разбила в пух и прах, и сама с руками и с ногами, и Ньюше к твоему возвращению легче, вот как хорошо все. Ну, тебе покушать надо, я чайник поставлю и ванну затоплю.

Ш е м е т о в а. Я сама, не хлопчите, ради бога...

Б а б у ш к а. Ау Мити, он писал тебе или нет, - такое сейчас положение, так его ценят... Предлагали директорство. Он, конечно, отказался, - к чему ему, действительно, административная канитель...

Шеметова молчит. Бабушка ушла. Вернулась.

Олечка.

Ш е м е т о в а. Да?

Б а б у ш к а. Бывают вещи, которые скрывать можно и нужно. Обязательно нужно! Ты меня поняла? Это ерунда, голубчик, будто все друг перед другом должны изливаться, всю свою подноготную выкладывать, и тогда будет гармония. Никакая это не гармония, а мещанская распушенность и нечистоплотность. Человек обязан в обществе вести себя опрятно. Если он уважает себя и других. Если он хочет укреплять жизнь, а не расшатывать. Оля, ты меня слышишь?

Ш е м е т о в а. Да...

Б а б у ш к а. Поняла меня?

Ш е м е т о в а. Да.

Г о л о с Ш е м е т о в о й. А о том разговоре, что был у вас после моего отъезда, о разговоре с Арефьевым, - не хотите напомнить? Ну да, мне ведь о нем знать не полагается...

...Бакченин готов к отъезду: уложил чемодан, перебирает старые письма. Арефьев смотрит на него.

Б а к ч е н и н. Вот и конец. Странно...

А р е ф ь е в. Что странно?

Б а к ч е н и н. В частности - что мне двадцать семь. Я на днях сообразил. Еще не много, верно?

А р е ф ь е в. Смотря для чего.

Б а к ч е н и н. Еще все можно наверстать при желании. Одно время мне казалось, что я уже лет сто живу-живу, из них девяносто девять воюю. (Напевает.) "Все, что было задумано, все исполнится в срок"... Да, вот так.

А р е ф ь е в. Что у тебя было задумано?

Б а к ч е н и н. Жизнь у меня была задумана. Жизнь!.. Вопрос: на какой курс подавать, на пятый или четвертый?

А р е ф ь е в. Ты же четвертый кончил?

Б а к ч е н и н. А что я помню? Через это решето все вылилось... На четвертый, на четвертый, Сергей Георгиевич! Только так! Затягивай, студент, пояс потуже.

А р е ф ь е в. Слушай, Сережа...

Б а к ч е н и н. Если откровенно - не надеялся. Абсолютно! Считал крышка. Кто-то выкрутился, а с вами, товарищ Бакченин, всё.

А р е ф ь е в. Неужели совсем не надеялся?

Б а к ч е н и н. Веришь - совсем.

А р е ф ь е в. Как же воевал? Чувствуя себя смертником? Вот бы никогда, на тебя глядя... И давно?

Б а к ч е н и н. С самого начала. Когда первый раз услышал, как мяукает мина.

А р е ф ь е в. Да что ты.

Б а к ч е н и н. О, мерзкий звук! Так и хочется крикнуть - ну на, жри!

А р е ф ь е в. А это не от страха?

Б а к ч е н и н. Ну, знаешь! Пойди кому-нибудь скажи, что Бакченин трус! Пойди! Не веря вот настолько, что уцелею, - лез в самую кашу, к черту на рога, скажешь нет?

А р е ф ь е в. Ну да, нервы тянули - надо, не надо - к черту на рога.

Б а к ч е н и н. Что ж, человек цивилизованный обладает повышенной реактивностью, это известно.

А р е ф ь е в. Слушай, цивилизованный человек, зачем ты соврал Оле?

Б а к ч е н и н. Прошу тебя!

А р е ф ь е в. Ну-ну, скажи: зачем?

Б а к ч е н и н. Ты что, письмо прочел?

А р е ф ь е в. Нехорошо!

Б а к ч е н и н. А письма чужие читать хорошо?

А р е ф ь е в. А ты не расшвыривай, это раз. А во-вторых, письмо было от мужчины, не от женщины. А в-третьих, я чувствовал, вот чувствовал, что ты врешь, и хотел проверить. А в-четвертых, ты на вопрос отвечай: почему не сказал прямо? Чтоб она держала тебя за порядочного? Не обозвала прохвостом? И как это, я не понимаю, - получить подтверждение, что жена умерла, что ее уже четвертый год на свете нет, и врать, не моргнув глазом, что она жива, наплести сказки про бомбу, про операции, чего ты еще там навертел... Уже одно это кощунство - покойницу поднять из могилы, чтоб она, понимаешь, в амурных твоих спекуляциях участвовала... Дух ее оскорбить...

Б а к ч е н и н. Дух... ты что, в бога веруешь?

А р е ф ь е в. Тут не в боге дело, а в людях. В уважении к живым и мертвым. Я ведь трезво мыслю, без сантиментов. Раз ты так поступил, раз ты смог так с ней поступить, - я о живой говорю, - какой ты ей спутник, что у вас могло получиться лучезарного? И с этой точки зрения даже неплохо, что вы расстались сейчас, не потом, - но меня форма возмущает, ложь твоя возмущает!

Б а к ч е н и н. Поверь мне: солгать было лучше. Поверь.

А р е ф ь е в. Никогда лгать не бывает лучше!

Б а к ч е н и н. Ну положим... Ты учти характер. Гордость. Решительность. Тут правдой такого можно наделать... Именно уважая, да, уважая ее и щадя, - я солгал, да. Я и ей тоже - не только себе! - создал позицию для отступления.

А р е ф ь е в. Я понимаю, что ты ее не любишь и что она тебе сейчас лишняя.

Б а к ч е н и н. Не надо. Тут все слова не те, не то. Не люблю? На веки вечные это будет самое святое воспоминание!

А р е ф ь е в. Что ж ты делаешь, спрашивается! Лети, догоняй, проси прощенья! Она простит, она в твоей путанице разберется! Сережа, такой человек полюбил тебя, идиота, по-настоящему, и ты этим швыряешься, для тебя пустячки?

Б а к ч е н и н. По-настоящему... С ненастоящей, чтоб ты знал, легче. Настоящая - это такая...

А р е ф ь е в. Обуза?

Б а к ч е н и н. Ответственность.

А р е ф ь е в. Мужчина принимает ответственность как должное. За себя и за женщину.

Б а к ч е н и н. Ты меня только прописями не долбай. Прописные истины - не для моего положения. Мне на голом месте начинать. Я должен быть свободен, чтоб заставить себя заниматься, заставить сидеть над книгами в Публичке, вообще переключиться с этой жизни на ту, не машины же мы, чтоб переключаться нажатием кнопки! Я должен иметь право существовать на стипендию - впроголодь, уже нет тех рук, что меня когда-то поддерживали. А учиться и работать - это значит ни то ни другое... Дома одни стены, я эту свою шинель года три таскать буду и укрываться ею буду, а она с девочкой придет, представляешь - смотрят на тебя две пары глаз муж! отчим! - а у тебя на яблоко нет ребенку... Девочка хорошо жить привыкла, у них там ученые все, и Оля привыкла, хоть и фантазирует, что ей, видишь ли, стекол не нужно, без стекол обойдется... И ее отношение к нашим отношениям. Она уже не разбирала, где ее рука, где моя. Где был, куда идешь, что прочел, что подумал... Ничего не имей за душой, все на стол, как деньги из карманов... Рабство!

А р е ф ь е в. Противоречишь себе. То ответственность, а то рабство.

Б а к ч е н и н. А это звенья одной и той же цепи!

А р е ф ь е в. Подойди к этому всему с крупной меркой. Как она подходила.

Б а к ч е н и н. Я - с крупной. Или она и всё, что с ней и от нее. Любовное служение. Или - я чем-то стану стоящим. А двум господам служить не умею.

А р е ф ь е в. Не любишь. Себя, во всяком случае, любишь больше.

Б а к ч е н и н. Жизнь мою, чудом сохраненную, больше люблю. Это преступление? (Закрывает чемодан.) Ну, так. Что ж, поцелуемся?

А р е ф ь е в (целует его). Жалко мне тебя. Больше, чем ее. Гораздо больше. Может, полетишь все-таки? Попросишь прощенья?

Б а к ч е н и н. Ты бы мог сообразить - в таких вещах не сознаются. Ах, боже мой, ухожу - и сколько за спиной остается, боже мой... Ну, еще раз. Прощай, дорогой. Не поминай лихом.

А р е ф ь е в. Прощай, Сережа.

3

Перед занавесом проходит н а ч а л ь н и к а э р о п о р т а, окруженный п а с с а ж и р а м и.

Н а ч а л ь н и к а э р о п о р т а (он притомился, но продолжает держаться молодцом). Я все, товарищи, понимаю. Но я же не бог, так? - чтоб по моему мановению переменилась погода.

П а с с а ж и р. Я летаю регулярно уже четверть века, сколько раз приходилось летать в метель, и ничего.

Н а ч а л ь н и к а э р о п о р т а. Летали в метель, совершенно верно, когда она не сопровождалась грозowymi явлениями. Речь идет о вашей жизни, товарищи. И мы уж вам натопили, кажется. И ресторан к вашим услугам, хотя смена и не пришла и работники, что называется, выдохлись. И кресла у нас покойные. И для товарищей преклонного возраста персонал уступил свои помещения. Покушайте, товарищи, я вам советую, и вздремните. Утро вечера мудреней.

Прошли.

Декорация первого действия. Б а к ч е н и н и Ш е м е т о в а на лестничной площадке у окна. Вечер, пассажиры угомонились. Закрыт книжный ларек. За окнами в метели бродит прожектор.

Ш е м е т о в а. Вот так-то.

Б а к ч е н и н. Не выдержал, продал? Гуманист, глубокая совесть... И ты ему написала "спасибо"?

Ш е м е т о в а. За то, что нанес последний удар?

Б а к ч е н и н. Я говорил!.. Воображает, что сделал благородное дело!

Ш е м е т о в а. Он хотел по-честному... Конечно, нелегко было, когда уехала. Так душно, так горько, - но и гордость была, что свое счастье отдаю обездоленной. И одинокой себя не чувствовала, и тебя не чувствовала чужим, - вокруг нашей жертвы свет был, я голос твой издали слышала... Потом приходит это письмо от Арефьева. И оказывается: никакой моей жертвы нет, твоей тем более, жертвовать-то некому... Я принесена в жертву, одна я.

Б а к ч е н и н. Что я скажу?

Ш е м е т о в а. Теперь что говорить. Одну вы тогда допустили ошибку. Испугались, что обузой вам буду. А я уж, поверьте, что-что, а обузой никогда никому не была, в высшей степени это умею - не быть обузой.

Б а к ч е н и н. Ты очень несчастлива?

Ш е м е т о в а. Это выкиньте из головы. С тех пор как заставила замолчать посторонние голоса, все у меня прекрасно. Люди рядом тактичные, внимательные. Живем на основах взаимного уважения. Дай бог другим женщинам жить, как я живу.

Б а к ч е н и н. Разреши сказать - ты тоже сгоряча вела себя не очень правильно. Если сколько-нибудь мной дорожила, должна была бороться. Вразумить дурака.

Ш е м е т о в а. Бороться? Против безрукой, беспомощной, вставшей из могилы?

За колонной, стараясь не шуметь, танцуют А л е н а и К о л о с ё н о к. Колосёнок держит ее одной рукой, в другой транзистор, звучащий чуть слышно.

А л е н а. Вы хорошо танцуете. Практика?

К о л о с ё н о к. Угу.

А л е н а. По дворцам культуры?

К о л о с ё н о к. Главным образом.

А л е н а. Мне нравится, что вы хорошо танцуете.

Колосёнок старается изо всех сил.

А какая у вас специальность? Не очень, как видно, пыльная, если вы главным образом по дворцам культуры.

К о л о с ё н о к. Вот именно пыльная. Я инженер-строитель.

А л е н а. Строите дома?

К о л о с ё н о к. Мосты.

А л е н а. Я строителей мостов не такими представляла.

К о л о с ё н о к. А какими?

А л е н а. Суровыми и могучими.

К о л о с ё н о к. Я по утрам упражняюсь с гантелями. А на работе я достаточно суровый.

А л е н а. Нет-нет, вам не надо суровости! Мне как раз нравится, что вы такой несуровый строитель мостов. Что это за музыка, я ее не знаю.

К о л о с ё н о к. Что-то такое из-за океана.

А л е н а. Говорят, на обоих полушариях метель. Вообразите метель над океаном. Громадные, громадные, бесконечные волны, и над ними снег несется, и эта музыка, и все кружится... и мы с вами кружимся, как снег...

У окна. Бакченин и Шеметова.

Б а к ч е н и н. Обе были чужие. Я когда женился, думал: что ж, сейчас чужая, потом своей станет. Не стала ни одна! Кто вкусил, говорят, сладкого, не захочет горького. Я знал такое, что не перешибить ничем. Заслужил, не заслужил, но подарили мне однажды такое. Вот в чем дело. И уже никто твое место занять не мог. Возмездие мое в этом, должно быть. Говорю себе - есть же другие области, где я и хорош, и нужен, не сошелся свет клином на сердечных делах, на семейных! А старость передо мной стоит и говорит: все равно ты пустоцвет, все равно подохнешь - никто не заплачет...

Ш е м е т о в а. Иной раз, если вдруг нарушится привычный ход вещей... вроде вот сегодняшней вынужденной посадки... Словно шел-шел, и вдруг стоп, и смотришь... и дико станет - что это мной так распорядились?.. Но это на минутку, не думай. Знаете, как бывает заснешь, увидишь страшное и велишь себе проснуться.

Б а к ч е н и н. Милая моя! До чего мне все близко, что ты говоришь. И про страшные сны. И про остановки, когда оглянешься и думаешь - зачем я, что мне

разум затмило, да я ли то был? Чтоб я предал эти руки родные, эти глаза? Вся ты родная, все в тебе мое кровное, до ужаса кровное!

Ш е м е т о в а. Что ты сделал!

Алена и Колосёнок танцуют.

А л е н а. Сказать, что мне в вас не нравится?

К о л о с ё н о к. Скажите, если не очень обидное.

А л е н а. Что в смысле поэзии у вас ничего за душой. Не обиделись?

К о л о с ё н о к. На правильную критику чего ж обижаться. Но, может быть, - каждому свое? У вас стихи, можно сказать, тоннами, а у меня зато вот этот маленький транзистор - сознайтесь, он веселей ваших стихов.

А л е н а. Транзистор ерунда, у каждого может быть. Хотя мне понравилось, как вы его кстати достали из чемоданчика - как раз когда мне захотелось танцевать.

К о л о с ё н о к. Я многое делаю кстати.

А л е н а. А что-нибудь еще у вас в чемоданчике есть развлекательное?

К о л о с ё н о к. Теперь придется завести. Мы ведь не навсегда расстанемся? Я буду приезжать в Москву.

А л е н а. Как мы летаем в Новосибирск! Даже чаще! Каждую неделю!

К о л о с ё н о к. Каждую неделю - затруднительно.

А л е н а. Ну, каждый месяц.

К о л о с ё н о к. Месяц - тоже не выйдет.

А л е н а. Я буду вас встречать на аэродроме и махать цветами! Вы по цветам издали увидите, что я тут!

К о л о с ё н о к. Я тоже хочу вам что-то сказать. (Волнуется.) У меня первый раз в жизни такая встреча. Вы верите в любовь с первого взгляда?

А л е н а. Конечно.

К о л о с ё н о к. А вы считаете меня человеком, который может дать счастье?

А л е н а. А какое счастье вы можете предложить?

К о л о с ё н о к. Могу, например, выучить наизусть все стишки этого, как его, который умер восемьсот лет назад.

А л е н а. Прекратите эти шутки. Что за серость, в конце концов. Для меня нет ничего выше искусства, знайте. Самое мое большое горе - что мне не дано таланта. Когда пробую писать, дрянь получается. Но я его все равно обожаю и буду обожать всю жизнь. Знайте!

К о л о с ё н о к. Я согласен. Вы будете обожать его, а я вас. Я постараюсь не быть серым.

А л е н а. Серым - нехорошо.

К о л о с ё н о к. Уж куда хуже.

А л е н а. Я вам скажу, каким должно быть наше счастье. Я терпеть не могу быта.

К о л о с ё н о к. В каком смысле?

А л е н а. В самом прямом. Отягощающем душу. Меня вполне устраивает, как мы живем тут: едим что придется, танцуем где попало...

К о л о с ё н о к. Что ж, условие приемлемое. Будем танцевать где придется и есть что попало. А бриться по утрам можно?

А л е н а. Бриться - да.

Н ю ш а (проходит). Алена, мы идем в ресторан чокнуться за папу. (Колосёнку.) Я вас предупреждаю - из этого не получится ровным счетом ничего.

А л е н а (танцует). Нюшечка, душечка, не порти мне мой лучший вечер.

Н ю ш а (Колосёнку). Не обольщайтесь. Все только треп от упоения жизнью.

А л е н а. Нюшечка, все равно моя фамилия будет Колосёнок.

Н ю ш а (Колосёнку). Имейте в виду.

К о л о с ё н о к. Я очень благодарен, но простите, это, возможно, самонадеянно, даже неприлично, даже безумно с моей стороны, - но, может быть, вы ошибаетесь?

Н ю ш а. Идешь, Алена?

А л е н а. Да-да, сейчас.

Нюша уходит.

Толечка, вы понимаете, я не могу пригласить вас на наше узкосемейное торжество. Еще, пожалуй, рано.

К о л о с ё н о к. Я понимаю.

А л е н а. Я только чокнусь.

К о л о с ё н о к. Я буду у двери.

А л е н а. Только чокнусь, и сразу.

В ресторане за столиком собрались б а б у ш к а, д е д у ш к а, Н ю ш а, Л и н е в с к и й.

Н ю ш а (Люсе). Еще бокал.

Смотрят на дверь. А л е н а прибегает.

Л ю с я. Открывать?

Н ю ш а. Минутку.

Ш е м е т о в а входит и садится.

Теперь можно.

Люся откупоривает бутылку. Летит пробка.

Д е д у ш к а. Итак - за Митю.

А л е н а. За папу!

Пьют стоя.

С т а р у ш к а в о ч к а х (проходя, с приятностью). Поздравляю вас.

Ее благодарят поклонами.

А л е н а. Чудная штука шампанское. Ты опьянел - и радуйся, Хайям... Еще дадут?

Б а б у ш к а. Что-то он сейчас делает?

Д е д у ш к а. Выпивает и закусывает.

Н ю ш а. За наше здоровье.

А л е н а. Собрался весь городок, как в прошлом году, и пьют за нас, потому что нас нет, а без нас им гораздо хуже.

Б а б у ш к а. Ничего подобного. Он висит на телефоне и звонит на аэродром, а ему отвечают одно и то же: опаздывает..

А л е н а (Шеметовой). Ма!

Ш е м е т о в а. Ну?

А л е н а. Видишь, вон парень.

Ш е м е т о в а. Давно вижу.

А л е н а. Ма, он тебе нравится?

Ш е м е т о в а. То есть - тебе нравится.

А л е н а. Я думаю, я выйду за него замуж.

Ш е м е т о в а. Что ж, скатертью дорога, милости просим. Мы давно не чаем, как бы тебя пристроить.

А л е н а. Он строит мосты.

Ш е м е т о в а. Еще что?

А л е н а. Его зовут Колосёнок.

Ш е м е т о в а. Еще что?

А л е н а. Он, в общем, славный.

Ш е м е т о в а. Дурак ты мой маленький...

Б а б у ш к а. Ему говорят "опаздывает", и он не знает что думать.

Н ю ш а. Папа всегда знает, что ему думать.

Д е д у ш к а. Совершенно верно.

А л е н а. У шампанского есть одна особенность. Когда наливают кажется, что через край, а осядет пена - оказывается, всего ничего, на доньшке...

Н ю ш а. Не спеши. Подождет.

Б а б у ш к а. Налейте. У меня еще тост.

Дедушка наполняет бокалы.

За всех наших прекрасных детей, украшающих нашу старость. (Хочет чокнуться с Линевским.)

Л и н е в с к и й (ставит свой бокал). Не обижайтесь, что я не пью. Искренне, искренне хотел присоединиться к вашей радости, но не в силах. Я считаю, мне надо идти. Что ж я тут...

Б а б у ш к а. Как, пешком?

Л и н е в с к и й. Не так, в сущности, далеко...

Л ю с я. Что вы! Не дойдете.

Л и н е в с к и й. А, дойду как-нибудь.

Б а б у ш к а. Вас заметет.

Л и н е в с к и й. А, не заметет. По крайней мере к утру попаду на работу. Вы правы (дедушке), когда отношения накалены, то как работать? Невозможно...

А л е н а. Бабушка, почему этот человек плачет?

Б а б у ш к а. Он опоздал на похороны матери.

Алена притихает.

Д е д у ш к а. Когда я вам это говорил, еще ходили автобусы.

Л и н е в с к и й. А, не так страшен черт... Если только он меня не уволил. Скорей всего уволил. Скорей всего. Не в его характере не уволить. В его характере именно уволить. Так или иначе, я больше не могу сидеть и не знать. Это жизненно важно, вы понимаете?

Д е д у ш к а. С одной стороны - безусловно...

Л и н е в с к и й. И жена там изнервничалась... Да. Спасибо за участие, я пошел. От души вам желаю всего хорошего. Долететь благополучно. Вот так вдруг нечаянно встретишь людей... А тут вместе учились, с институтских лет на "ты"... (Застегивает пальто, опускает наушники, натягивает перчатки, поднимает воротник.) Еще раз. Всем. От души. (Уходит.)

Л ю с я. Сумасшедший! Нельзя пускать.

Ш е м е т о в а. Как же вы не пустите? Свяжете?

Л ю с я. Не пускать, и все. Когда псих.

Б а б у ш к а. Совершенно разумный человек. Мы воззвали к его рассудку. Он предпочел идти. Его воля.

Л ю с я. А если он чего-нибудь себе отморозит?

Б а б у ш к а. А если наши настояния будут иметь для него еще более роковые последствия? В серьезных случаях человек собой распоряжается сам.

А л е н а. Bravo, бабусь!

Л ю с я (сообразила и успокоилась). Да он, правда, только нос высунет. Увидит, каково там, и вернется.

Но Линеvский спускается по лестнице, идет к выходу, не останавливаясь и не раздумывая. Лишь на миг заколебался - перед дверью; но тотчас открывает ее решительным рывком, вихрь сверкающего снега врывается навстречу, словно предупреждая о том, что ему предстоит, - и Линеvский исчезает в вихре.

...Метель кружит - теперь мы вынесены в нее непосредственно, здание аэровокзала, наполненное светом, как громадный фонарь, отдалается и гаснет в несущейся белой мгле, и через эту мглу, кружась с нею, защищаясь от ее ударов поднятым воротником и руками в толстых перчатках, упорно бредет Линеvский, и ему навстречу, так же кружась и защищаясь, бредет другой человек, тоже с поднятым воротником и опущенными наушниками, такой же задыхающийся и упорный - начальник Линеvского. И вот они встречаются.

Н а ч а л ь н и к Л и н е в с к о г о. Линеvский! Это ты! Линеvский!

Л и н е в с к и й. Я не хочу тебя видеть, я не хочу с тобой говорить!

Н а ч а л ь н и к. Ты домой? (Берет его за локоть.)

Л и н е в с к и й. Нет, я на бал! Пусти, слышишь? Не хочу, не желаю!

Н а ч а л ь н и к. Ну вот видишь, ну как с тобой разговаривать, как? Ты же не можешь по-человечески! Я пробираюсь к тебе в такую погоду черт знает куда... а ты даже сейчас не можешь не дать почувствовать!

Л и н е в с к и й. Что почувствовать, что?

Н а ч а л ь н и к. Что ты со мной не считаешься ни на копейку.

Л и н е в с к и й. А ты, а ты?

Н а ч а л ь н и к. Ты мне даешь это чувствовать с первого дня, с первого дня, на каждом шагу. Это стало основным содержанием твоей жизни.

Л и н е в с к и й. А содержание твоей? Оно в чем заключается?

Н а ч а л ь н и к. Линеvский...

Л и н е в с к и й. Ежеминутно напоминать мне, что я тебе подчинен!

Н а ч а л ь н и к. Линеvский...

Л и н е в с к и й. Чтоб я как-нибудь вдруг о себе не возмечтал, вот содержание твоей жизни!

Н а ч а л ь н и к. Линеvский, а что мне остается делать при твоём отношении?

Л и н е в с к и й. Подумать только, что с этим человеком мы когда-то вместе готовились к экзаменам!

Н а ч а л ь н и к. Линеvский, а ведь могло быть так, что я был бы на твоём месте, а ты на моём? Сколько угодно! Ты - моим начальником? Вполне! Ты бы примирился с таким отношением? Ты бы мне прощал эти улыбки? Кому приятно?! Эти шуточки, укольчики при всем честном народе? Эти постоянные нарушения распорядка, направленные на что? - на подрыв моего авторитета!

Л и н е в с к и й. Ты можешь сейчас говорить мне о распорядке? У тебя поворачивается язык?

Н а ч а л ь н и к. Потому что ты доводишь. Ты думаешь, я бы тебя не отпустил в Одессу? Ты бы еще договорить не успел - я бы отпустил. Если б ты не соорил гримасу. В чем был смысл гримасы? В том, что вот она, насмешка судьбы, - ты, Линеvский, такой, как ты есть, у такого, как я, должен просить разрешения на самые естественные, самые даже священные в глазах человечества поступки!

Л и н е в с к и й. Я...

Н а ч а л ь н и к. Линеvский, по всей совести, положи руку на сердце - была гримаса?

Л и н е в с к и й. Если и была - произвольная.

Н а ч а л ь н и к. Тем хуже, тем обидней, неужели ты не понимаешь, а еще интеллигентный человек. Значит, неуважение ко мне вошло тебе в плоть и кровь.

Стоят под метелью.

Л и н е в с к и й. Ее опустили в могилу без меня.

Н а ч а л ь н и к. Знаю.

Л и н е в с к и й. По твоей милости.

Н а ч а л ь н и к (отчаянно). Знаю!

Л и н е в с к и й. Ты считаешь, ты этой историей укрепил свой авторитет и повысил мое уважение к тебе?

Н а ч а л ь н и к. Ты в своем ожесточении... не то говоришь... неподходящее к моменту. Я когда узнал, что ты не улетел, сидишь на аэродроме... Ну что, вот он я перед тобой, полные бурки снега! Сел ужинать - не могу! Лег спать - не могу!.. (Вытирает глаза.) Как будто у меня тоже не было матери...

Где-то далеко плач ребенка.

Л и н е в с к и й. Ты меня уволил?

Н а ч а л ь н и к. Какое это имеет значение. Приказ можно отменить в два счета.

Л и н е в с к и й. Ага, значит, все-таки есть приказ!

Н а ч а л ь н и к (сморкается). Тем более что местком уже опротестовал. Меня не эта формальная сторона интересует.

Л и н е в с к и й. Ах, тебя она не интересует! Ха-ха-ха-ха, она тебя не интересует!

Н а ч а л ь н и к. Я хочу договориться. Из-за тебя на меня смотрят, как на крокодила. Из-за тебя я действительно становлюсь крокодилом, ты меня вынуждаешь.

Л и н е в с к и й. Ха-ха-ха-ха, вы слышите? Я его вынуждаю быть крокодилом!

Н а ч а л ь н и к. Линеvский, я тебя прошу как человек человека обращайся со мной иначе. Хотя бы при людях. А, Линеvский? Неужели ты не можешь пойти на уступки?

Л и н е в с к и й. Я не понимаю, чего ты от меня требуешь. (Идет прочь.)

Н а ч а л ь н и к (идет за ним). Наедине, так и быть, давай своим нервам отдушину. Но только наедине, тет-а-тет, а, Линеvский?.. Ладно, пусть при людях тоже. Критикуй меня на собраниях, черт с тобой. Но с улыбками покончим раз навсегда. Неужели трудно? С гримасами этими... а, Линеvский?

Скрываются в метели.

...В опустевшем ресторане аэровокзала сидят за бутылкой шампанского Нюша, Люся и Тамара.

Т а м а р а. Главное - будь человеком. Ну позвони, скажи хоть два слова. Голос подай. Хоть знать, что не одна переживаешь...

Л ю с я. А вдруг звонил: телефон-то испорчен.

Т а м а р а. Настоящий человек раньше сообразил бы позвонить. Не ждал бы, пока испортится... Так, может, и неглубокое чувство твое. Может, просто тебе с кем-то в театр надо сходить. Но при всем при том - можно же проявить чуткость?

Л ю с я. Я когда выходила за Славика, все говорили: уж выбрала, Люська, при ее, говорят, знакомствах, когда двоюродный брат летчик-испытатель, могла, говорят, поперспективней мужа найти. А я посмотрела-посмотрела - какие у них намерения, у перспективных? Что ни познакомишься, у него намерения абсолютно несолидные или же вообще женатый. А у Славика с самого начала были серьезные намерения.

Т а м а р а. На укладку и маникюр целый вечер просидела...

Л ю с я. Оставляй на него дом спокойно, все будет в ажуре. Потому, что любит жизнь основательную. Обсади его красавицами со всех сторон, пусть там будут какие хочешь мировые звезды экрана, - он и не посмотрит. Ему без надобности. Ему абы его Люська с ним была.

Н ю ш а. Божественно счастливая женщина. Выпейте капельку.

Л ю с я. Ой, дорогая, мне никак нельзя.

Н ю ш а (Тамаре). Выпьем за ее счастье.

Т а м а р а (чокается неохотно). Чего за него пить, она и так им с утра до вечера хвастается.

Л ю с я. Тамаронька, я не хвастаюсь, честное слово, просто оно само выпирает, я стесняюсь даже.

Н ю ш а. За вас и вашего мужа.

Л ю с я. Ой! За это как не выпить, грешно прямо. (Чокается.) Я вас благодарю от нас обоих. (Отпивает из бокала.) Как-то они там, мальчики мои золотые. Мы тут кутим, а Виталик мой, бедняга...

Т а м а р а. Хватит уже. Никак не примирится с мыслью. Утром в яслях дадут ему лопать. Трагедия!

Л ю с я (плачет). Я примирилась.

Т а м а р а. Так нечего опять истерики устраивать.

Л ю с я. Но может душа болеть?

Т а м а р а. Нечего твоей душе болеть!

Н ю ш а. Хорошо, когда по такой причине болит душа. Иметь ребенка, быть с ним скованной неразрывно, всем для него жертвовать, дрожать за него - хорошо!

Л ю с я. У вас нет?

Н ю ш а. Нет.

Т а м а р а. Не замужем?

Н ю ш а. Разошлась.

Т а м а р а. Подонок оказался?

Н ю ш а. Не прижился к нашей семье. И я к нему не прижилась.

Л ю с я. Мне ваша семья очень понравилась. Такие все приличные, вежливые.

Н ю ш а. Чужому среди нас трудно. С одной стороны - все ему как будто разрешается. С другой - сделай он что-нибудь, скажи что-нибудь не так, не в нашем духе, - начинает чувствовать себя... на другом берегу. Не объяснишь даже почему. Никто ему не делает замечаний, никто не дуется. Сам чувствует... Чтоб с нами ужиться, надо быть очень нашего поля ягодой... либо уж вовсе толстокожим.

Л ю с я. А на мой характер, лучше откровенно высказать, если что не так. Это даже для здоровья вредно - в себе держать. Уж лучше поругаться. Поругаешься, потом помиришься... (Прерывает себя.) Тихо! (Слушает.)

Т а м а р а. Чего ты?

Л ю с я. Да нет. Померещилось.

Т а м а р а (Нюше). Дайте сигарету... Я согласна: побывать замужем и развестись. Но мне не везет исключительно...

Л ю с я. Тихо!

Теперь уже все слышат далекий плач ребенка.

Это Виталик!! (Встает дрожа.)

Т а м а р а. Спятила. Откуда Виталик? Мало крикунов помимо Виталика...

Внизу открылась дверь, входит С л а в и к, с огромным свертком в руках. И Славик, и сверток занесены снегом. Из глубины свертка несется крик. Спящие на скамьях подняли головы. Славик отряхает снег сперва со свертка, потом с себя, и обнаруживается одеяло, в которое поверх всего закутан ребенок, и милицейская форма Славика.

С л а в и к (к пассажирам). Не скажете, где тут гражданка Сёмина? Сёмина. Она тут работает.

П а с с а ж и р ы:

- Кого он ищет?

- Какую-то Сёмину.

С л а в и к. В ресторане работает.

П а с с а ж и р ы. Мы, товарищ, пассажиры. Обратитесь к кому-нибудь из служащих.

С л а в и к. Официанткой.

Ребенок, притихший было, кричит снова. Выходит сонный И в а н Г а в р и л о в и ч.

Вы, гражданин, здесь работаете?

И в а н Г а в р и л о в и ч (всматривается). Ну.

С л а в и к. Личный состав знаете?

И в а н Г а в р и л о в и ч. Ну-ну.

С л а в и к. Не скажете, где находится гражданка Сёмина?

И в а н Г а в р и л о в и ч. Люся, зовут!

С л а в и к. Она не ушла домой?

И в а н Г а в р и л о в и ч. Не должна бы уйти. Наверх беги, в ресторан. По этой лестнице. Ну-ну! Гора не пришла к Магомету, так Магомет притопал к горе. Молодец!

Стуча сапогами, Славик идет к лестнице. Ему навстречу в смятении чувств сбегает Люся.

Л ю с я. Я сейчас упаду в обморок!

С л а в и к. Получай. Доставил.

Л ю с я (берет ребенка). Маленький мой, маленький, жизнь моя, сейчас, моя звездочка, сейчас, мой цветочек, сейчас, сейчас... (Ребенок кряхтит и алчно вскрикивает в глубине свертка.) Пошли, Славик, пошли, я тебя в тепле посажу... Только бы он, не дай бог, не простудился, только бы не простудился...

С л а в и к (идя за нею наверх). Не простудится. Я на него все намотал, что было.

Л ю с я (входит в ресторан). Знакомься, Славик. Шинель вон там на вешалку повесь. Это мой муж Славик. Садись, Славик. Дайте ему выпить с холоду. А мы сейчас с Виталиком. Только бы не простудился!

С л а в и к. Ты скорей. Он голодный.

Л ю с я. Сейчас, сейчас... (Уносит ребенка.)

Н ю ш а и Тамара смотрят ей вслед. Ребенок замолчал.

Н ю ш а. Выпейте.

С л а в и к. Спасибо.

Н ю ш а. Замерзли?

С л а в и к. Мы привычные. И мороз не так чтоб большой.

Н ю ш а. Я думала, только матери способны на безумства ради детей.

С л а в и к. Какое ж безумство. Иной раз еще и не в такую погоду стоишь на посту.

Н ю ш а. Ну все-таки. Пятнадцать километров.

С л а в и к. Так мы же не все пешком. Значительную часть расстояния в машине проделали. В скорой помощи. Там ребята в гараже знакомые. Говорю так и так. Ладно, говорят, выручим. По городу машины проходят кой-как. Мы километров шесть пехом перли, не больше. (Он держит бокал в большой красной руке и отхлебывает маленькими глотками.) Орет и орет, что будешь делать. Мы с соседом и так и сяк. И пели ему, и качали, - знать ничего не хочет, требует мать. Закон природы. На улице замолчал сперва, потом опять в крик. Теперь уснет.

Молчание. В молчании мелодия колыбельной.

...Успокаивается метель.

...Ночь идет к концу, спят все: кто откинувшись на спинки кресел, кто подперев голову руками. Алена и Колосёнок - друг против друга в амбразуре окна.

Продолжается только разговор Бакченина с Шеметовой.

Б а к ч е н и н. И нельзя забыть?

Ш е м е т о в а. Почему. Можно. Нужно.

Б а к ч е н и н. Простить?

Ш е м е т о в а. Нет.

Б а к ч е н и н. А если бы...

Ш е м е т о в а. Нет.

Б а к ч е н и н. Поверь, Оля. До конца дней...

Громкий голос радио будит всех.

Р а д и о. Внимание! Объявляется посадка в самолет ИЛ-18, следующий рейсом шестьдесят два до Ташкента. Пассажиры приглашаются к выходу на перрон.

Радостное оживление в зале. Одни устремляются к выходу, другие к окнам.

Ж е н щ и н а. Наконец-то!

С т а р у ш к а в о ч к а х. Става тебе, господи!

Алена проснулась и улыбается Колосёнку.

А л е н а. С добрым утром.

К о л о с ё н о к. С добрым утром.

А л е н а. Какие-то светлые перемены?

К о л о с ё н о к. Похоже - полетим.

А л е н а. Что-то я во сне видела симпатичное...

Бакченин и Шеметова.

Б а к ч е н и н. Можно иногда писать тебе? Оля! Писать - можно?

Идет Нюша.

Ш е м е т о в а. Вот что я бы хотела сделать на прощанье познакомить вас с моими дочками. Нюша!.. (Представляет.) Это старшая моя, Анна Дмитриевна Шеметова. Сергей Георгиевич Бакченин.

Б а к ч е н и н. Та самая Нюша? Которая была маленькая?

Ш е м е т о в а. Та самая, которая была маленькая. (Нюше.) Пошли сюда Алену на минутку.

Р а д и о. Внимание! Объявляется посадка в самолет ИЛ-18, следующий рейсом восемьдесят четыре до Одессы. Пассажиры приглашаются к выходу на перрон.

Алена идет к Шеметовой.

Ш е м е т о в а. А это Елена Дмитриевна Шеметова. Аленка, это мой фронтовой товарищ. Вот, посмотрите на нее. Если бы не стремление вечно играть какую-то дурацкую роль, совсем была бы ничего девушка.

Алена здоровается с Бакчениным за руку.

Пожелайте ей набраться ума, Сергей Георгиевич. Пожелайте, пожелайте ей добра, счастья, всего... Пожелайте. Может быть, другого случая не представится.

Б а к ч е н и н. Можно поцеловать тебя, Леночка?

А л е н а (слегка удивлена). Пожалуйста...

Бакченин ее целует.

Ма?

Ш е м е т о в а. Иди.

А л е н а (вернулась к Колосёнку). Эти прелестные старики. Не знаешь, как реагировать на их выходки. Ну чего ради ему меня целовать? Какой-то мамин знакомый, первый раз друг друга видим...

К о л о с ё н о к (ревнует). По человечеству его можно понять.

А л е н а. Девятнадцатый век. Леночкой меня назвал... Наши дед и баба гораздо современной, несмотря на почтенный возраст...

Р а д и о. Внимание! Объявляется посадка в самолет ТУ-104, следующий рейсом четыреста семьдесят пятым по маршруту Москва - Новосибирск. Пассажиры приглашаются к выходу на перрон.

Ш е м е т о в а. Наш.

Б а к ч е н и н. Постой, Оля!

Ш е м е т о в а. Прощайте, Сергей Георгиевич.

Б а к ч е н и н. Вот сейчас... Сейчас объявят мой самолет... И полетим с тобой...

Ш е м е т о в а. Не с чем нам лететь с вами.

Б а к ч е н и н. А она?

Ш е м е т о в а. Она - Елена Дмитриевна Шеметова. Прощайте. Всего вам хорошего. (Уходит.)

А л е н а (Колосёнку). Ну вот. И обратно за облака. В голубое солнце.

Н ю ш а (подходит). Алена - всё. Живо.

К о л о с ё н о к. Я провожу!

А л е н а. Толечка, вы слышали - она сказала: всё. Сейчас она возьмет под руку бабушку, а я возьму дедушку, и мы двинемся чинной семьей. А вы мне отсюда в окошечко помашете. Итак... (Протягивает руку.)

К о л о с ё н о к. А адрес! Куда писать!

А л е н а. Да, адрес! Записывайте: Москва... Знаете что? Не надо.

К о л о с ё н о к. Как не надо?

А л е н а. Ну что мы можем друг другу написать? Лучше когда-нибудь где-нибудь встретимся нечаянно - лет через десять, двадцать, обрадуемся, скажем - "сколько лет, сколько зим", - гораздо ведь интересней.

Н ю ш а (Колосёнку, дружелюбно). Не говорите, что вас не предупреждали, чем этот роман кончится.

А л е н а. Зато как мы будем наш роман вспоминать! Как мы друг другу читали стихи... и басни, и как нам из метели улыбалось что-то... Ах, это с вашей стороны неталантливо - сердиться! Вы заставляете меня улетать с тяжелым чувством. Улыбнитесь, очень вас прошу, чтоб я улетела с легким чувством.

Колосёнок улыбается.

И дайте вашу руку.

Колосёнок дает руку.

До свиданья!

Н ю ш а. Алена, опоздаем.

Б а б у ш к а. Девочки, вы скоро?

А л е н а. Бабушка - уже!

К о л о с ё н о к (Нюше). До свиданья.

Н ю ш а. Счастливого пути. (Уходит, пропустив Алену вперед.)

А л е н а (возвращается, таинственно.) Смотри же, в здешнем караван-сарае своей любви случайной не забудь! (Уходит.)

Мы видим, как все члены семьи Шеметовых один за другим спускаются по лестнице и исчезают за дверью, ведущей на перрон.

Колосёнок машет в окно. К другому окну подходит Бакченин, смотрит. Сквозь пепельное утро на востоке проклевывается заря. Силуэт ТУ-104 взмывает в воздух. Грохот его моторов заглушает все звуки... Бакченин закуривает, набрасывает пальто, берет портфель и медленно уходит из зала.

1966 год